

БРЮНО

ЖАРРОСОН

ОТ СУНЬ-ЦЗЫ
ДО СТИВА ДЖОБСА:
ИСКУССТВО
СТРАТЕГИИ

Брюно Жароссон

**От Сунь-цзы до Стива
Джобса: искусство стратегии**

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 159.955+355.4
ББК 60.050.2+68(4Фр)

Жароссон Б.

От Сунь-цзы до Стива Джобса: искусство стратегии /
Б. Жароссон — «Азбука-Аттикус», 2016

ISBN 978-5-389-14641-9

Стратегия – ключевой фактор, влияющий на принятие важных решений. Понятие стратегии, первоначально появившееся как военный термин, в дальнейшем распространилось на другие сферы жизни, включая политику, экономику и бизнес. Брюно Жароссон, признанный авторитет в вопросах стратегического планирования, один из директоров консалтинговой фирмы DMJ Consultants, среди клиентов которой Auchan, Leroy Merlin, L'Occitane, L'Oréal, Haribo, представляет на страницах этой книги самые захватывающие эпизоды истории стратегии за 2500 лет – от Сунь-цзы, Макиавелли, Талейрана и Клаузевица до Лиддела Гарта, генерала де Голля, Генри Киссинджера и Стива Джобса. Все эти гениальные стратеги добивались своих целей, побеждая противника в сражении и дипломатической игре или оставляя далеко позади конкурентов на мировом рынке.

УДК 159.955+355.4
ББК 60.050.2+68(4Фр)

ISBN 978-5-389-14641-9

© Жароссон Б., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Противоречивое предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	10
Гамлет и его призрак	10
Призрак будущего	11
Первая ошибка – внимание к призраку	12
Вторая ошибка – переоценка призрака	13
Третья ошибка – разговор с призраком	14
Гибрис, или Невинное заблуждение	14
Екклесиаст и презрение к призраку	15
Желание и творческий дух	17
Глава 2	18
Против случайностей на войне	18
«Полностью завладеть всем принадлежащим противнику»	18
Ши и эффект рычага	19
Хитрость и обман	20
Гармония	21
Принципиальное определение стратегии	22
Глава 3	24
Добродетель и <i>virtu</i>	24
Макиавелли и связанное с ним недоразумение	25
Макиавелли и наивность Платона	26
Вначале была сила	28
Спиноза и Дидро против Макиавелли	30
Глава 4	32
Клаузевиц и его время	32
Великая война и Клаузевиц	33
Ключевые понятия в мировоззрении Клаузевица	35
Последние крайности	36
Клаузевиц против гуманизма	38
Продолжение политики	39
Глава 5	41
Слово предоставляется немецким генералам	41
Офицер против Клаузевица	41
Непрямые действия	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Брюно Жароссон От Сунь-цзы до Стива Джобса: искусство стратегии

Bruno Jarrosson
DE SUN TSU À STEVE JOBS
Une histoire de la stratégie

Перевод опубликован при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

© Dunod, Paris, 2016
© Троицкая М., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

* * *

Противоречивое предисловие

При рождении карлики нормального роста. Они уменьшаются, когда начинают расти.

Гракс Кассар

Стратегия – штука мутная. Понять, что это такое, очень трудно. Не существует точного, исчерпывающего и общепринятого определения стратегии. Точно так же расплывчата и область применения этого термина: война (разумеется!), предпринимательство (в какой-то мере), управление и геополитика в духе «Мемуаров» Генри Киссинджера (4500 страниц, написанных, к сожалению, с большим умом) – это если говорить о «великих стратегиях», но есть еще и такая вещь, как жизненная стратегия того или иного конкретного человека. Как Протей без конца менял облик, так и стратегия, присутствуя повсеместно, рискует в конечном счете оказаться нигде.

Итак, в этой книге, автор которой ставит перед собой амбициозную (возможно, нелепую, но в любом случае чрезвычайно трудную) цель рассказать о теории стратегии – точнее говоря, о теориях стратегий, – читатель не найдет определения термина. Это слишком темное понятие, и развеять вокруг него туман можно, лишь анализируя конкретные ситуации. Любая попытка дать его исчерпывающее объяснение обернется если не надменным пустословием, то бессмысленным педантизмом.

Но что значит – анализируя конкретные ситуации? Это значит, мы рассмотрим некоторые парадоксы и противоречия (антиномии), которые представляют собой базовые молекулы стратегии и в этом качестве заслуживают пристального внимания, а не замечания под ковер.

Первая антиномия выглядит следующим образом: цель и средства. Если существует некая цель, обязательно встает стратегический вопрос: какие нужны средства, чтобы добиться этой цели? Проще говоря, что нужно делать, чтобы вышло по-моему? Чтобы меня ждал успех, а не провал? Следовательно, стратегия – это соотношение средств и целей, но она появляется только тогда, когда ясна конечная цель. В чем же тут противоречие? В том, что жизнь состоит из взаимодействия со средствами, а не с целями. Иначе говоря, наша жизнь проходит в движении к целям, а не в их достижении. Стратегия, понимаемая как реальность средств, начинается с выхода за рамки реальности, поскольку ориентируется на конечную цель, которая реальностью еще не является.

Вторая антиномия: скромность и спесь. Разве это не проявление спеси: претендовать на обладание будущим, ставя перед собой ту или иную цель? На протяжении нескольких столетий – точнее говоря, начиная с XVIII в. – человек западной культуры поставил своей целью благодаря знаниям и развитию техники подчинить себе природу. Этой амбициозной цели он отчасти достиг, изменив мир так, как он никогда не менялся до этого. Но, заменив Божественный промысел человеческим разумом и назначив его мерой всех вещей, он сам ему подчинился, наделив разум все той же спесью. Между тем применение стратегии без конца напоминает нам о нашей ограниченности: наши знания и наша способность к предвидению имеют свои пределы. Вот что писал великий Ньютон, метя своим учением о гравитации прямоком в спесивый разум: «Не знаю, каким видит меня мир, но сам себе я всегда казался ребенком, играющим на морском берегу, пытаюсь отыскать самую красивую ракушку или самый гладкий камешек, тогда как передо мной расстилался необъятный океан непознанных истин». Какая бездна разделяет нашу претензию на всеобъемлющее знание и власть над природой и наши реальные способности! В этой бездне и обитает стратегия. В

начальной школе нам объясняли разницу между словами «про́пасть» и «пропа́сть», чтобы мы уяснили, как важно правильно ставить ударение.

Третья антиномия вытекает из предыдущей: во всякой уверенности всегда есть доля сомнения. Мы ждем от стратега, чтобы он продал нам уверенность в стопроцентном успехе, тогда как он не уверен ни в чем и вынужден лавировать между провалами и половинчатыми успехами, без конца меняя траекторию движения. Дух эпохи модерна стремится к полной уверенности, но жизнь вносит в его стремление свои коррективы. Стратегия не дает точного ответа на вопрос о том, как снизить степень неуверенности. Сама грань между уверенностью и сомнением лишена определенности. Уверенность нага и беззащитна в густом тумане этой вечной схватки.

Четвертая антиномия: мысль и действие. Что такое стратегия, как не попытка привнести в любую деятельность осмысленность? Иначе говоря, материализовать свои мысли в конкретных поступках? Мышление – это медленное подвижничество, допускающее возвращение назад, тогда как действие предполагает быстроту исполнения и жесткую привязку к реальности. Это два разных способа вступать во взаимодействие с окружающим миром. Впрочем, люди действия редко бывают мыслителями, и наоборот. Платон разработал учение о царе-философе, находясь в темнице в Сиракузах, правитель которых, тиран Дионисий I, продал его в рабство – и спасибо еще, что не казнил. С той поры учение о царе-философе пользуется дурной репутацией как со стороны философов, так и со стороны властей. Тем не менее стратегия включает в себя оба этих аспекта – и мышление, и действие.

Пятая антиномия: примирение настоящего и будущего. Стратегия осуществляется в настоящем времени и стремится формировать будущее. Иначе говоря, речь о том, чтобы действовать в настоящем с учетом будущего, как бы добавить в настоящее чуточку будущего. Казалось бы, прекрасная цель – связать будущее с настоящим (именно это и называется предвидением), – но возможно, что цель эта ложная. Настоящее существует, а будущее – нет, ведь оно еще не наступило, а чего нет, того нет. Как отмечал Блаженный Августин, та неуловимая грань, что разделяет настоящее и будущее, представляет собой непреодолимый онтологический барьер – барьер между бытием и небытием. Зачем, спрашивается, волноваться о будущем, если я живу и всегда буду жить только в настоящем? Жизнь – это сделка с настоящим, а не с будущим, в этом и состоит дар жизни. Это не просто игра ума, которой мыслитель досократической эпохи Парменид 2500 лет назад изумлял современников; это выражение трудноопределимой, но благородной сущности стратегии. Ориентируя нас на будущее, стратегия – как, впрочем, и мораль, и религия, – выводит нас из животного состояния и посредством культуры очеловечивает.

Орнитолог может наблюдать за птицей, которая поет только по ночам, когда темно. Днем он может ее рассмотреть, ночью – услышать. Но ему не дано увидеть, как птица поет. Он обладает знанием об этой птице, но его знание зиждется на принципе дополнительности, столь дорогим современной физике. Этот принцип, провозглашенный физиками Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом, шокировал Эйнштейна – последнего представителя классической физической школы, опутанного детерминистскими представлениями о науке.

С учетом этих пяти антиномий невозможно разработать единую стройную теорию стратегии. К решению проблемы можно приблизиться лишь частично, анализируя конкретные ситуации и отдельные теории тех или иных авторов. Мы будем изучать теорию стратегии, основываясь на принципе дополнительности, и посвятим этому изучению двадцать глав, каждая из которых – сама себе голова. Этот подход позволит нам рассмотреть стратегию с двадцати разных точек зрения, под двадцатью спорными – а как же иначе? – углами. Читателю предоставляется право свободно критиковать автора за неполноту охвата темы, и автору будет нечего ему возразить, потому что объять необъятное действительно затруднительно.

Тем не менее мы надеемся, что в результате у нас появится неполная, «орнитологическая», но все же достоверная картинка, на которой будет запечатлена стратегия – эта странная птица, поющая исключительно ночью, безнадежно темной и туманной ночью сомнения. Ведь именно ночью так хочется верить, что настанет утро.

К психоаналитику приходит пациент.

– Доктор, у меня проблема.

– Что за проблема?

– Жена считает, что она – это я.

Доктор (задумчиво):

– Действительно, проблема. Но, может быть, будет лучше, если ко мне придет ваша жена?

– Так вот же я и пришла!

Часть I

Военная традиция

Глава 1

Флирт с призраком

*Как бы высоко ты ни поднялся, в конце концов все равно
обратишься в прах.*

Анри Рошфор

Гамлет и его призрак

Уникальная история Гамлета начинается не со смертью его отца, а в тот момент, когда к нему является призрак покойника и делает некоторые признания. Призрак рассказывает такие вещи, от которых у кого угодно снесет крышу. Покойный король утверждает, что его убил родной брат Клавдий; отняв у него жизнь, он женился на его вдове Гертруде – матери Гамлета – и завладел его короной. В общем, грязная история.

Разумеется, Гамлет мог подумать, что призраков не существует и что он стал жертвой иллюзии. Но он видел и слышал призрака, он с ним разговаривал. Как же он может быть уверен, что никакого призрака не было? Этот вопрос так и остался бы чисто теоретическим, если бы призрак покойного короля не обратился к Гамлету с вполне конкретной просьбой. Он попросил его убить Клавдия и самому стать королем. И добавил – важное уточнение, – что Гертруда ничего не знала о заговоре, а потому доблестный Гамлет не должен ни в чем упрекать свою мать. Как говорил Жан-Пьер Раффарен: «Дорога прямая, но крутая». Пожалуй, это высказывание больше подошло бы скоростному поезду, чем министру, даже в ранге премьер-министра, но вернемся в Датское королевство, в котором что-то явно подгнило.

Во всяком случае, если бы призраки существовали.

Итак, Гамлет затевает флирт с призраком своего отца. Это и в самом деле не более чем флирт, потому что Клавдия он не убивает. Он просто хочет проверить, правду ли сказал призрак. Он сомневается в его реальности и в истинности его откровений. Но способ, каким Гамлет пытается добиться от Клавдия признания в убийстве, заставляет окружающих усомниться в здравом уме принца и не на шутку тревожит его мать. Чем больше мне известно о том, чего не знают другие, тем меньше меня понимают.

Флирт с призраком достигает кульминации в сцене объяснения Гамлета с Гертрудой. Впрочем, это объяснение не только ничего не проясняет, но, напротив, еще больше все запутывает. Гертруда осуждает поведение Гамлета и называет его безумцем. Гамлет теряет самообладание и делает то, от чего его предостерегал призрак: упрекает Гертруду в том, что она вышла замуж за Клавдия. В этот момент к дискуссии подключается появившийся призрак. Он напоминает Гамлету свою просьбу не наезжать на Гертруду.

Это ключевой момент. Сейчас мы наконец узнаем, реален призрак или нет.

Какая удача для Гамлета! Сейчас он докажет матери, что вовсе не спятил, а призраки и правда существуют. Гамлет говорит Гертруде:

Гамлет

Да посмотрите же! Вот он, уходит!

Отец, в таком же виде, как при жизни!

Смотрите, вот, он перешел порог!

Призрак уходит.

Королева

То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленье
Весьма искусно¹.

Наконец-то Гамлет может обосновать свою поведенческую стратегию – реальность, какой бы невероятной и неприятной она ни казалась, сейчас подтвердит его правоту. Но – фокус-покус (не будем забывать, что все это происходит на сцене!), он же подлый удар в спину Гамлету, – заключается в том, что Гертруда не видит призрака. Сын уверяет ее, что видит его, а она его не видит, и это укрепляет ее в мысли, что он и правда слетел с катушек. Бедный парень.

В тексте не уточняется, действительно ли Гертруда не видит призрака или она его все-таки видит, но притворяется, что не видит. Гертруда вышла замуж за Клавдия, убийцу своего первого мужа, и возвела его на трон. Если правда о совершенном Клавдием братоубийстве откроется, она потеряет все – и мужа, и трон, – а все ее прошлые поступки предстанут в новом, крайне неблагоприятном свете. Поэтому не исключено, что Гертруда предпочитает оставаться в неведении, списав эту историю на безумие сына.

Возможна и другая интерпретация. Допустим, Гертруда действительно ни о чем дурном не догадывалась, да и сейчас вполне искренна. Она не видит призрака и верит в безумие Гамлета. С призраками вообще ситуация сложная. Никто не знает, существуют они на самом деле или нет. Одни их видят, другие не видят. Те, кто видит, они кто? Жертвы иллюзии или сумасшедшие? А может, они наделены способностью общения с высшей реальностью?

Эта странная ситуация может служить иллюстрацией к следующим утверждениям:

- Реальная действительность населена призраками, то есть верованиями, в которых трудно убедить окружающих.
- Стратегия зиждется на определенном понимании реальности.
- Невозможно разработать общую стратегию, если отсутствует общее понимание реальности, то есть ее восприятие (видит Гертруда призрака или нет?) и основанные на нем оценки.

Гамлета с призраком связывают отношения тайного флирта. Этот флирт внушает ему сильные чувства и умопомрачительные идеи, а в конце концов толкает на отчаянные поступки. Но это именно тайный флирт, то есть опыт, которым невозможно поделиться с другими, что делает Гамлета неважным стратегом. Что это за стратегия, если она заставляет вас двигаться от провала к провалу?

Призрак будущего

Стратегия направлена на то, чтобы связать настоящее с будущим. Принимая решения сегодня, мы должны думать о будущем. Но, как справедливо заметил Блаженный Августин, будущего не существует – есть лишь мысль о будущем, существующая в настоящем. Настоящее будущего заключается в мысли. Как призрак отца Гамлета не является отцом Гамлета – и Гертруда не признает его существования, – так и настоящее будущего не является будущим. Оно – всего лишь субъективная мысль, то есть призрак. Стратег, действующий подобно Гамлету, основывает свои поступки на словах призрака, то есть поступает так, как если бы призрак существовал в объективной реальности, признаваемой и разделяемой всеми.

Гамлет не в состоянии примирить призрак отца со своей матерью. Ведь это его персональный призрак, и видит его он один. Призраки не живут в обществе, они проникают в него

¹ Здесь и далее «Гамлет» цитируется в переводе М. Лозинского.

незаконно и всегда являются кому-то одному. В результате призрак не только не помогает Гамлету примириться с собой, но и ссорит его с матерью. После разговора с призраком у Гамлета появляется стратегия. Он вроде бы должен чувствовать себя лучше, ведь теперь он знает, к чему стремиться, что и зачем делает. Пьеса, однако, демонстрирует нам нечто прямо противоположное. Стратегия Гамлета ясна, но сомнения гложут его по-прежнему. По случаю он даже начинает сомневаться в целесообразности бытия. Повезло, ничего не скажешь!

Дело в том, что Гамлет знает: он действует так, как если бы призрак существовал. Но на самом деле он не знает, существует ли призрак. «Быть или не быть?» Этот вопрос в первую очередь адресован призраку. Может, Гамлет и правда сошел с ума? Может, ему выпал шанс наблюдать свое безумие со стороны в виде призрака, разговаривать с ним и даже заключать сделки?

Гамлет действует так, как если бы призрак был решением его проблемы, но разве не в призраке и заключена его проблема? И даже если допустить, что призрак существует, разве это не безумие – ссылаться на его свидетельство? Неужели Гамлет настолько наивен, что готов отнестись к призраку как к реальному персонажу пьесы?

В конце концов реакция Гертруды показывает ему, что вопреки его представлениям реальность или нереальность призрака не является для него существенным вопросом. Реакция матери показывает, что он никогда не узнает, существует ли призрак. Он не узнает этого никогда – это недоступное знание. Но на мировой сцене в его взаимоотношениях с другими все всегда будет происходить так, как если бы призрака не существовало. Гамлет должен был сыграть свою роль без помощи призрака. Он делает это открытие, и оно его немного пугает.

Первая ошибка – внимание к призраку

Появление призрака так поражает Гамлета, что он начинает его слушать. Все-таки не каждый день к нам обращаются призраки, тем более – призрак отца. Тем более – чтобы сообщить об убийстве и потребовать отмщения. Разве мог Гамлет отмахнуться от подобной просьбы, наполненной столь важным содержанием и предъявленной в столь необычной форме? Жизнь Гамлета пошатнулась – и не могла не пошатнуться. Полученный им меседж слишком точен, слишком суров и слишком своеобразен, чтобы его проигнорировать.

Одновременно Гамлет забывает о цели – о своей истинной цели. Он не задается (или недостаточно настойчиво задается) вопросом, правду ли сказал призрак. Он не интересуется фактами, которые могли бы подтвердить или опровергнуть сказанное призраком. Он, набычившись, прет напролом. Да, он пытается спровоцировать Клавдия, заставить его себя выдать. Но главное состоит в том, что он очертя голову несется вперед, не глядя, что происходит в реальности, и сея вокруг себя хаос. Он действует так, словно все им услышанное – чистая правда, хотя сам не знает, правда это или нет.

Он отравляет собственную реальность, расставляет ловушку и сам же в нее попадает.

Далеко не всегда стратегия позволяет нам ясно увидеть будущее и получить подтверждение тому, что действия, предпринятые нами в настоящем, наполнены смыслом. Далеко не всегда будущее предстает перед нами желательным, логичным, достижимым тем путем, по которому мы двигаемся, совершая действия в рамках избранной стратегии. Если воля к действию и путь к достижению цели лежат в одном направлении, это слишком редкая удача, чтобы от нее отказываться. «Where there is a will, there is a way»², – гласит пословица – тоже английская и не менее интересная, чем «Гамлет».

Обычно жизнь лишена смысла. Случай сделать ее осмысленной выпадает слишком редко, чтобы от него отмахнуться. Гамлет бросается в бой, как Гораций против трех Кури-

² Было бы желание, а возможность найдется (англ.).

ациев. Если призрак указал Гамлету путь, не следует пренебрегать его волей: Гамлет ненавидит дядю, Гамлет ревнует к Клавдию, который занял трон вместо него и разбередил его эдипов комплекс. Гамлет счастлив, что у него наконец-то появляется причина отомстить Клавдию. Если он соглашается следовать – заметим, с прискорбной неуклюжестью, – путем, который указал ему призрак, то делает это потому, что этот путь ведет его к утолению собственных и нисколько не подавленных желаний. Гамлета можно рассматривать как ревнивца, завистника или неудачника, поскольку зависть – один из семи смертных грехов – рождается из невежества. Именно страстное желание причинить зло Клавдию толкает его на безрассудный путь мести – возможно, неправедной.

Мы все испытываем огромное желание, чтобы наше серенькое настоящее было расцвечено исполненным глубокого смысла будущим. Вот почему мы слушаем призраков и заигрываем с ними. Мы отмечаем доводы разума, отказываемся от трезвого анализа фактов и готовы мириться даже с полным неправдоподобием.

Вторая ошибка – переоценка призрака

Призрак слишком силен; он знает вещи, неведомые другим. На самом ли деле Клавдий убил своего брата? Призрак утверждает, что да. Но эта новость достаточно необычна, а посредник, сообщаящий ее, выглядит достаточно странно, чтобы безропотно его выслушать. Гамлет внимает речам призрака, не подвергая их сомнению и не пытаясь подвергнуть критике. Уверовав в его слова, он ломает не только свою жизнь, но и жизнь окружающих, чтобы в конце погибнуть – все с той же верой в правоту призрака.

Он как-то забывает, что вся эта история призрачна в прямом смысле слова, что призраков не существует, а, значит, он стал жертвой иллюзии. Ни больше ни меньше.

Стратег действует, опираясь на веру в будущее; эта вера нашептывает ему, что будущее может стать реальностью, что оно принесет ему счастье. Стратег превращается в то, что он должен осуществить, и, а *contrario*³, теряет покой и сон, пока призрак будущего не станет реальностью.

Когда я стану счастливым, как же я буду счастлив! Когда я достигну своей цели, как же мне будет хорошо!

Очевидно, что ничего подобного никогда не происходит, потому что за каждым холмом открывается новый холм. Когда цель достигнута, ничего по большому счету не меняется, потому что нашим умом завладевает новая цель. Ничего не меняется потому, что перед нами возникает новый призрак и манит за собой. В лучшем случае жизнь представляет собой вечную гонку за сменяющимися друг друга призраками.

Гамлетовский призрак не довольствуется тем, чтобы поставить перед ним нелепую цель – ведь стремление убить дядю не обойдется без последствий, – он отравляет ему настоящее. Гамлет – принц, он молод и умен. У него все должно сложиться отлично. Но в Датском королевстве что-то подгнило. И мы знаем, что именно. Гниль – это речи призрака, застрявшие в хрупком разуме Гамлета. Точно так же мысль о том, что я не смогу быть счастливым, пока не достигну той или иной цели, является не только иллюзорным представлением о будущем, но и самым верным способом испортить себе настоящее. С подобным подходом я всегда буду ломать то, что есть, – настоящее – при помощи того, чего нет, – будущего. Глупая затея.

Придавая слишком большое значение призраку, мы подобно Гамлету позволяем ему разрушить нашу жизнь.

³ От противоположного (*лат.*).

Третья ошибка – разговор с призраком

Гамлет разговаривает с призраком точно так, как с реальными персонажами. И призрак ему отвечает. От этого иллюзия того, что призрак реален, только усиливается. Но Гамлет делает кое-что похуже: он пытается убедить призрака, как если бы тот был реальным существом, восприимчивым к доводам логики и способным выстраивать на их основе рациональное поведение. Но призрак, судя по всему, не более чем иллюзия. Даже если он не иллюзия, то его взгляды базируются на трансцендентном знании, не подвластном разуму. В конечном итоге его способ воздействия на реальность не слишком разумен. Если гамлетовский призрак существует и действует, опираясь на некое знание, то мы вынуждены признать, что это не знание, а глупость. Он вносит в душу Гамлета смятение, из-за чего окружающие принимают его за безумца, и доводит до смерти. Гамлет – типичный лузер; ему не хватает сообразительности, чтобы хорошо сыграть роль, навязанную призраком.

Этот провал – ошибка призрака, который как минимум обратился не к тому человеку. Если он настолько хитер, если ему ведомо многое из того, что сокрыто от остальных, если он думает, что может переделать мир, то уж своего-то сына он должен бы знать. Он хочет очистить Датское королевство от гнили, но добивается прямо противоположного.

Такова опасность, подстерегающая стратега. Он заигрывает с призраком будущего. Он вступает с ним в беседу как с добрым знакомым – это, если вспомнить Верлена, некий «сон пронзительный и странный»⁴. Да, сон действительно пронзительный – он проникает в разум Гамлета и завладевает его мыслями. Затем призрак отвечает Гамлету. Видение будущего, до того представлявшее собой желание, становится сценарием. На будущем появляются зарубки последовательных вероятных этапов и событий. Сценарий еще не стал предвидением, но диалог с призраком уже идет вовсю.

Этот диалог укрепляет иллюзию реальности происходящего. Обмениваясь с призраком репликами, я забываю, что он существует исключительно у меня в голове, и разговариваю с ним как с посторонним человеком. Сценарий обретает черты предвидения.

Опасность для стратега заключается в переоценке своей власти над будущим. Его ошибка – верить, что если у него в голове вещи выглядят умными, хорошо продуманными, логичными и т. д., то они обретут способность формировать реальность. Как будто в реальности не существует глупости, непоследовательности, случайности и невезения.

Как нам известно, реальность не настолько к нам любезна.

Гибрис, или Невинное заблуждение

В греческой мифологии Гибрис – божество, олицетворявшее *hubris*, то есть заблуждение. Древнегреческая религия еще не ведала понятия греха в том смысле, какой позже в него вложило христианство. В христианстве грех – это нравственная ошибка. Но в платоновской традиции, заложенной в «Горгии», греха как нарушения нравственных устоев не существует, зато есть заблуждение, ошибка стратегии. *Гибрис*.

Судьба – это доля счастья и несчастья, жизни и смерти, которая достается человеку в зависимости от его социального статуса и взаимоотношений с богами и другими людьми, иначе говоря, вследствие строго установленного порядка. Человек, допустивший *гибрис*, повинен в том, что захотел получить больше, нежели ему предназначено судьбой. Это пройдоха, задумавший обмануть рок. Излишество – это желание иметь нечто сверх справедливой меры, которая каждому отмерена судьбой. У древних греков понятие справедливости

⁴ Перевод Г. Шенгели.

было равнозначно понятию правильности и выражало согласие принять все, что человеку суждено.

Тот, кто позволяет себе *гибрис*, пытается переломить судьбу и заменить ее правильность собственным пониманием справедливости. Тем самым он нарушает справедливый порядок вещей: ничего удивительного, что на его голову обрушится гнев богов.

Карой за *гибрис* становится *немезис* – божественное наказание, возвращающее человека в те рамки, за которые он посмел выйти. Если *гибрис* – это выход за рамки, то *немезис* – обратный процесс. Судьбу не обманешь.

Отец Эдипа, царь Лай, очень не хотел, чтобы сбылось нехорошее предсказание (быть убитым родным сыном), и предпринял ряд мер, которые как раз и привели к тому, что предсказание сбылось; *немезис* катком прошелся по всей его семье. Доисторическая мифология полна сюжетов о персонажах, наказанных за *гибрис*.

На понятии *гибриса* как провинности зиждилась вся мораль древних греков, считавших главной добродетелью умеренность. Человек должен сознавать, что занимает во вселенной весьма скромное место; он должен постоянно помнить о своем социальном статусе и статусе смертного – в отличие от бессмертных богов.

Своей концепцией *гибриса* древние греки говорят нам две вещи:

- Мораль есть не что иное, как стратегия. Добро и истина суть одна и та же реальность, а чистота помыслов не служит оправданием вины или заблуждения.
- Правильная стратегия диктуется судьбой. Ее противоположностью является нарушение меры.

Я беседую с призраком о будущем и думаю, что оно мне покорится, – это и есть нарушение чувства меры. Именно это тихое помешательство и подстерегает стратега. В самом деле, разве это не безумие – верить, что ты разговариваешь с призраком о будущем? Впрочем, это полезное и даже милое безумие. Ему способствует наше понимание времени, согласно которому будущее способно наполнить смыслом настоящее.

Но, как и безумие Гамлета, поначалу вполне тихое и даже милое, оно может вызвать разрушительный *немезис*, если тихое помешательство оборачивается близким к нему *гибрисом* – нарушением чувства меры, манией величия и верой в то, что мы можем хоть что-то знать о будущем.

Нет греха, кроме дурной философии и отступления от умеренности, утверждают древние греки. В конечном счете стратегия – это лишь утилитарное ответвление философии. Быть стратегом означает быть философом и принимать реальный мир таким, какой он есть.

Екклесиаст и презрение к призраку

Пересмотр философской основы античного мировоззрения начался с появлением монотеистических религий, которые сосредоточились на понятии греха. В мире существуют добро и зло, и их следует отличать от истины и лжи – таков один из главных посылов Библии. Разумеется, существует и *немезис*, то есть кара, но уже не судьба карает за *гибрис*, а лично Бог – поскольку Бог персонифицирован – карает за нравственную вину. Даже – и особенно – в том случае, если вина принесла стратегический выигрыш. Когда сыновья Исаака продают в рабство своего брата Иосифа, они, бесспорно, совершают греховный и безнравственный поступок. Зато с точки зрения стратегии хитрость, напротив, может быть полезной и эффективной.

Понадобится божественное вмешательство, чтобы эта стратегия провалилась, а положение изменилось в пользу Иосифа.

Из всей Библии самый суровый отпор призракам дает Книга Екклесиаста:

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит».

Ничто не ново под солнцем: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться». Верить, что существует какая-то история, – это наивность и невежество, «томление духа». Не существует призрака будущего, с которым имело бы смысл вести беседы. Мало того, именно эти беседы и вызываемое ими беспокойство и представляют собой «суету сует».

Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревьев; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме. <...>

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!

Эта суета и есть безумие, то самое безумие, которое заставляет Гамлета верить, что призрак существует, что он разговаривает с реальным человеком. Но какую пользу он может извлечь из этого общения? Единственное, что от него, как и от каждого из нас, реально зависит, – это его настоящее, которое является единственно реальным временем. А что умного он может сделать в настоящем, если его беседа с призраком есть признак тихого помешательства? Вкусно есть и сладко пить, если верить Екклесиасту, низводящему мудрость к самой приземленной форме. «Как – все только ради этого?» – так и хочется нам спросить. Рассуждать о мудрости, чтобы сказать, как хорошо вкусно есть и сладко пить? Вот о чем часто забывают люди, одержимые безумием и заигрывающие с призраком будущего.

Екклесиаст, в отличие от Платона и его последователей, не утверждает, что греха не существует или что грех равнозначен простой ошибке. Он утверждает нечто худшее: грех не наказывается. Мир не просто аморален, он имморален, то есть равнодушен к нравственным ценностям.

Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда. И сказал я в сердце своем: «Праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там». Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог и чтобы они видели, что они сами по себе животные; потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

Праведника и негодяя, мудреца и безумца ждет один конец – и те и те умрут. Значит, мудрость напрасна. Мудрость упорно заигрывает с призраком будущего, надеясь в качестве награды за эксклюзивную дружбу получить защиту. Мудрецу будущее представляется раем.

Но это иллюзия и «томление духа», как говорит Екклесиаст; призрак будущего безумен, лишен разума и ведет нас к нелепой смерти, уравнивая с животными. Ничто не имеет смысла, и заигрывать с призраком будущего может только тщеславный безумец. Если призрак будущего и существует и представляет собой нечто большее, чем просто призрак, он

достоин презрения и, по словам Альфреда де Виньи, заслуживает лишь «ледяного молчания» и «равнодушного пренебрежения».

Таким образом, заигрывание с призраком будущего, к которому мы подступаемся в мыслях и в стратегии, всегда было под подозрением. К нему никто никогда не относился всерьез. Почему? Потому что всегда остается искушение и потому что все мы умрем.

Желание и творческий дух

Разговаривают два друга.

– Мы вчера были в отличном ресторане.

– Да? А как он называется?

– Э-э... Слушай, а как называется такой большой красивый цветок?

– Тюльпан?

– Нет, не тюльпан, крупнее.

– Пион?

– Нет, не пион, поменьше.

– Может, роза?

– Точно, роза! – Оборачивается к жене: – Розочка! В каком ресторане мы вчера были?

В этом анекдоте нет никакого *гибриса*, зато есть желание добиться цели.

Современному человеку приходится решать свои «многогранные задачи» без особых иллюзий, с внутренним убеждением в скромности своих сил. Но действовать – значит хотеть и предпринимать. «Человек счастлив, только когда испытывает желание и придумывает что-то оригинальное», – утверждает философ Аллен.

В желании стратега быть счастливым, вполне законном желании, без которого не добьешься успеха, кроются две ловушки, всегда одни и те же. Одна из них побольше, другая поменьше, но обе способны отравить грядущее счастье еще до того, как оно наступит.

- Бóльшая ловушка: *гибрис*, переоценка своих сил, ведущая в лучшем случае к фрустрации, а в худшем – к поражению, как это случилось с Великой армией, которая дошла до Москвы, но не вернулась из похода живой.

- Меньшая ловушка: серьезность, то самое тихое помешательство, которое внушает веру в существование будущего, веру в то, что будущее тоже серьезно, следовательно, отнесется ко мне скорее благосклонно. Серьезность лежит в основе стратегии предвидения, тупо утверждающей, что «управлять – значит предвидеть», и вновь и вновь выставляющей себя в глупом виде по причине неспособности предвидеть что бы то ни было.

Стратегия, ее история, ее развитие и ее практика постоянно шарахаются между этими двумя ловушками, то попадая в одну из них, то умело обходя обе.

Теперь, дорогой читатель, перейдем к главе, посвященной Сунь-цзы, и попытаемся придать нашему призраку форму. одному Господу ведомо, куда нас заведет этот путь...

Глава 2 Сунь-цзы, или Приглашение к хитрости

Враги – дураки; они думают, что враги не они, а мы.
Пьер Денрож

Против случайностей на войне

Традиция приписывает авторство книги «Искусство войны» полководцу по имени Сунь-цзы, жившему в конце VI в. до н. э. Биографические источники рассказывают об этом человеке довольно туманно. Вроде бы он и правда был полководцем, а книгу написал, чтобы поделиться мудрыми советами с тогдашним царем. Это самый древний трактат по стратегии, считающийся в своей области основополагающим. Для пробы пера он выглядит весьма смелым.

Чем в представлении людей Античности была война? Чередой более или менее счастливых случайностей? Полем маневра для богов, создающих эти случайности? Люди обращались к богам войны и приносили им жертвы. Боги являются действующими лицами в Илиаде и беспрестанно вмешиваются в ход событий. Например, во время поединка Гектора и Ахилла Зевс взвешивает на золотых весах судьбы обоих воинов. Гектор обречен и бежит. Но переодетая Афина возвращает Гектора к его судьбе и убеждает сразиться с Ахиллом. Следовательно, Афина в некоторой мере несет ответственность за гибель Гектора. Ход войны определяют боги и случай. Разумеется, в Илиаде есть и примеры применения стратегии, то есть военных хитростей, символом которых стал троянский конь. Но все эти стратеги постоянно заключают сделки с богами и случаем.

Точка зрения Сунь-цзы отвергает подобный фатализм; именно поэтому он и стал основоположником стратегии. Победа или поражение в войне не зависит ни от случая, ни от вмешательства богов или духов. Это вопрос метода и стратегии. Применение правильных стратегических принципов ведет к победе. Поэтому их необходимо изучать.

Наверное, нам сегодняшним трудно оценить исключительную оригинальность этой мысли. Она заключается в утверждении примата деятельности над обстоятельствами и внутренних факторов над внешними. Особенно непривычно эта идея должна была восприниматься в Азии, потому что свое наиболее полное воплощение она впоследствии найдет в западноевропейской философии. В конечном итоге стратегия начинается тогда, когда человек осмеливается заявить, что нет ничего случайного в том, что происходит с армиями, – но также и с отдельными людьми, с предприятиями и с народами.

«Полностью завладеть всем принадлежащим противнику»

Наш образ войны – это образ разрушения. Необходимо подчинить противника своей воле, а для этого следует уничтожить его силы. Уничтожить до основания, дабы подавить в нем даже мысль о сопротивлении. Война ведет к созданию экстремальной обстановки; в условиях смертельной опасности требуется мобилизация всех сил; оправданием тотальной мобилизации служит стремление избежать смертельной опасности.

С подобной логикой войны, разделяемой нами и сегодня, категорически не согласен Сунь-цзы. Собственно, в этом и заключается оригинальность его доктрины, снискавшая ему

известность. Сегодняшний враг – это завтрашний подданный. Следовательно, лучше оставить его целым и невредимым. Любые разрушения, причиненные противнику, его обедняют, это бесспорно, но они обедняют и меня. Необходимо «полностью завладеть всем принадлежащим противнику». Война против кого бы то ни было оказывает немедленный разрушительный эффект на ту страну, на территории которой она ведется. Впоследствии этот разрушительный эффект распространяется на окружающие страны и территории.

Начиная с этого места мысль Сунь-цзы устремляется в русло парадокса. В самом деле: «Искусство войны заключается в том, чтобы покорить врага без боя». Война и сражение – это не одно и то же.

Никогда долгая война не приносила выгоды ни одной стране.

Но если война – это не сражение, то что же она такое? На этот конкретный вопрос Сунь-цзы не дает ясного ответа, он лишь намекает, как в китайском театре теней. Война – это стратегия. А стратегия – это не сражение. Но что же такое эта пресловутая стратегия, с точки зрения Сунь-цзы?

Здесь опять-таки приходится читать ответ между строк. Стратегия – это искусство достигать своих целей с минимумом ресурсов и неблагоприятных последствий. Отсюда вытекает, что ум важнее силы, или, точнее говоря, силу следует использовать с умом. Именно так следует понимать самое известное высказывание Сунь-цзы:

Подчинить себе врага силой не есть вершина искусства войны;
вершина этого искусства – подчинить врага, не пролив ни капли крови.

Войну проигрывает тот, кто слишком любит кровь, воинственность, смелость и дух рыцарства.

25 октября 1415 г. французы столкнулись с англичанами на равнине Азенкура. В рядах французской конницы, прямо-таки одержимой рыцарским духом, вспыхнула ссора: каждый рвался занять место впереди и первым ринуться в бой. Никакая разумная стратегия распределения сил была в этих условиях не возможна. Результат: полный разгром. Франция потерпела поражение и была захвачена страной с десятикратно менее многочисленным населением, что являет собой пример вершины стратегического ничтожества.

На смертном одре Людовик XIV призвал к себе правнука и наследника – будущего Людовика XV, которому в ту пору было всего пять лет. Он сказал мальчику: «Я слишком любил воевать». Если бы главнокомандующим его войсками был Сунь-цзы и если бы он в ту минуту стоял рядом, то наверняка шепнул бы королю: «Любить надо победу. Войну надо ненавидеть, в нее нельзя верить, ее надо избегать». Впрочем, результат войн, которые вел Людовик XIV, не позволяет нам заподозрить в нем выдающегося стратега.

Ши и эффект рычага

Если требуется достичь результата, добиться какой-либо цели с минимумом ресурсов, то следует сосредоточить внимание не только на результате, но и на имеющихся ресурсах.

Понятие *ши* связано с идеей использования самых безобидных сил для достижения более легкой победы. Оно подразумевает предварительную подготовку, изучение местности и имеющихся средств, а также, разумеется, умение приспособливаться к обстоятельствам. Речь идет о том, чтобы включиться в *дао*, то есть скользнуть в поток.

Книга показывает, что глубокое размышление, за которым следуют незначительные действия (а не наоборот), может привести к победе. Тактика должна основываться на изучении, использовании и даже усугублении слабостей противника. Сунь-цзы придает перво-степенное значение сбору информации и шпионажу, считая, что они важнее силы:

Тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении.

Следовательно, все дело в знании. Действительно, в мире существует скрытая гармония, выражением которой служит *дао*. Достичь своей цели может тот, кто понимает эту гармонию, знаком с ней, кто умеет играючи влиться в ее поток. Благодаря введению понятия гармонии искусство войны выходит за рамки военного искусства и превращается в искусство жить. Разумеется, стратегические принципы могут применяться в военной сфере, но мы можем руководствоваться ими в бизнесе, политике или общественной жизни. В этом смысле психологические и нравственные аспекты, рассматриваемые в трактате, до сих пор не утратили актуальности.

Стратегический проигрыш – это всегда результат недостатка знания. Знания себя: допустим, я переоценил свои силы. Знания противника: я недооценил его силы или составил неверное представление о его расположении («Груши! – воскликнул он, но это Блюхер был»⁵). Вот от чего порой зависит судьба целого континента!

Эффектом рычага называют принцип, согласно которому можно получить значительный результат, использовав незначительные силы. Эффект работает в двух направлениях: это и достижение значительного результата с применением незначительных сил, и достижение незначительного результата с применением значительных сил. В какую сторону работает рычаг, зависит от наличия информации. Сунь-цзы открыл эффект рычага, опередив свое время. Успех заключается не в результате как таковом, а в том, чтобы достичь этого результата без привлечения избыточных ресурсов. И самый главный ресурс, который не следует разбазаривать, – это время, затраченное на разрушения.

Война подобна пожару; продолжаясь, она подвергает опасности того, кто ее начал.

Таким образом, целью войны является не уничтожение противника, а его обескураживание. Необходимо принудить его к переговорам на выгодных для себя условиях. Цель войны – не разгром вражеской армии, а разрушение боевого духа вражеских полководцев. Поэтому на войне широко используются обманные трюки и психологические уловки.

Хитрость и обман

«Война – это путь обмана», – с милой непосредственностью пишет Сунь-цзы. Враг есть враг, и, если он действует в соответствии с имеющейся у него информацией, моя задача – его дезинформировать. По мнению Сунь-цзы, победителем в войне выйдет тот, кто обладает более полным знанием об окружающей действительности, в том числе о противнике, и способен ввести последнего в заблуждение, передавая ему ложную информацию.

В основе действий стратега лежит именно информация. Вместо того чтобы силой противостоять действиям противника, он стремится принудить его совершать ошибки, для чего направляет ему ложную информацию. В этом случае противник не только не оказывает сопротивления, но, напротив, сам активно участвует в подготовке собственного поражения.

Это называется хитростью. В искусстве войны роль военной хитрости поистине огромна. Если я собираюсь нападать, мне необходимо притвориться, что я отступаю. Если я чувствую себя сильным, мне надо сделать вид, что я слаб. Если я намерен совершить обход-

⁵ Гюго В. Искупление. Из цикла «Возмездия» (1853). *Авт.* Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Брюно Жарроссону, прочие сделаны переводчиком.

ной маневр с запада, я должен подать врагу сигнал, что я иду на восток. Иначе говоря, я должен оказаться на западе тогда, когда никто меня там не ждет.

Мало быть в гармонии с самим собой – надо нарушить состояние гармонии у противника, надо добиться, чтобы он пребывал в смятении.

К нью-йоркскому адвокату приходит клиент. Клиенту известно, что у американских адвокатов заоблачные гонорары, и он говорит:

- Прежде всего мне хотелось бы узнать, во что обойдутся ваши услуги.
- О, это очень просто. За каждые десять тысяч долларов вы имеете право задать мне три вопроса.
- Десять тысяч за три вопроса? А вам не кажется, что это дороговато?
- Разумеется. Следующие два вопроса?

Вот что значит быть в гармонии с собой.

Гармония

Планируя место и дату высадки, союзники понимали, что критически важное значение имеет первый этап операции, поскольку соотношение сил будет не в их пользу. У немцев на территории Франции стояли танковые дивизии. На перевозку таких же дивизий союзникам потребовалось бы от нескольких дней до нескольких недель. Соединения пехоты будут встречены танковым огнем и отброшены назад к морю. Если исходить из расклада сил, высадка обречена на провал. Союзническая армия еще с 1939 г. успела убедиться, что пехотные подразделения бессильны против танков. В каждом сражении они неизменно проигрывали.

Высадка могла быть успешной только в случае, если бы удалось нарушить гармонию противника. Для этого требовалось, чтобы союзники смогли сами руководить перемещением немецких войск. Тогда им удалось бы нарушить гармонию между целями и средствами врага, между полководцами и войсками, между географией и стратегией.

Для осуществления этого плана существовало два способа:

- Захватить контроль над информационным обеспечением противника путем снабжения его дезинформацией. Союзники не собирались скрывать, в каком именно месте состоится высадка, поскольку это не представлялось возможным. Они предпочли создать видимость того, что высадка состоится совсем в другом месте (Па-де-Кале) и совсем в другое время. Немцы не только не испытывали недостатка в информации – напротив, они были затоплены потоками противоречивой информации. Это вызвало у них смятение и парализовало их силы. Система, лишенная гармонии, не способна на адекватную реакцию.
- Укрепить собственную гармонию. Очевидно, что Англия и США придерживались разных взглядов на стратегию: в Соединенных Штатах превалировал прямой, а в Англии – непрямой стратегический подход. Но союзники понимали, что им необходимо действовать сообща, договорившись о единой стратегии. Необходимость договариваться привела к гармонизации их взаимоотношений и выработке ясной, четкой, последовательной и реалистической стратегии. В конечном итоге они сумели извлечь выгоду даже из того обстоятельства, что изначально между ними были разногласия.

Место и дата высадки были определены в соответствии с принципами непрямой стратегии, что оказалось ключевым фактором успеха. Зато логистическая составляющая

высадки основывалась на принципах прямой стратегии, что позволило американцам проявить свои таланты в этой сфере. Этот фактор также был необходим для успеха очень трудной операции. Он стал возможен благодаря гармонии компетенций, вначале казавшихся если не противоречащими друг другу, то по меньшей мере трудносовместимыми, и благодаря готовности договариваться, без чего никакая гармония не достижима.

В других обстоятельствах (например, во Вьетнаме) у американцев не было союзника, который заставил бы их разработать гармоничную стратегию. В результате они сделали ставку на применение грубой силы (бомбардировки) и сами себя загнали в стратегический тупик. Отсутствие гармонии привело их к поражению.

«Искусство войны» предлагает читателю учитывать при разработке стратегии следующие пять важных факторов:

1) *Моральная основа*. Это то, что поддерживает моральный дух воюющих, давая им сознание своей правоты.

2) *Погодные условия*. Они заставляют принимать в расчет холод и жару, а также смену времен года.

3) *Географические условия*. Ими определяется близкое и далекое, открытые пространства, затрудненные проходы, равнины и горы. Разумеется, гармония предполагает необходимость учитывать разнообразие ландшафтов в зависимости от типа войск.

4) *Руководство*. Полководец должен быть мудрым, честным, дружелюбным, смелым и строгим.

5) *Организация и дисциплина*. Сегодня мы назвали бы это ясной системой менеджмента. Распределение полномочий и обязанностей внутри организации должно быть четко определено и признаваемо всеми.

«Искусство войны», пронизанное духом даосизма, утверждает, что гармония между этими пятью составляющими является необходимым условием проведения любой успешной кампании.

Принципиальное определение стратегии

Трактат «Искусство войны», получивший известность в Европе в XVIII в., до сих пор изучают в военных учебных заведениях Запада, хотя, в отличие от западных авторов, Сунь-цзы не выходит за рамки теории и не описывает конкретных военных операций. Настаивая на принципиальном подходе, Сунь-цзы, в сущности, впервые дает определение тому, что могло бы быть стратегией. Благодаря уникальности этого определения Сунь-цзы до сих пор остается нам интересен, а многих просто завораживает.

Не существует неприступных крепостей, есть лишь слабые атакующие.

Иначе говоря, внутренние причины – наличие стратегии и стратега – превалируют над внешними. Таков урок, из которого следует, что во главе любого проекта должна стоять стратегия и что именно стратегия должна представлять для нас наивысший интерес.

Попытаемся резюмировать, на каких принципах должна строиться стратегия:

1) *Мысль*. «Война – примитивное искусство, сводящееся к исполнительности», – говорил Наполеон, хотя его собственная деятельность служит не лучшей иллюстрацией к этому сомнительному тезису. Когда возникает необходимость действовать в реальном времени, складывается впечатление, что важнее всего именно действие. Нет, возражает Сунь-цзы. Действие должно быть осмысленным, и мысль важнее самого действия. Это оригинальное убеждение еще и сегодня вызывает споры – многие наши современники предпочитают сначала действовать, а потом думать. Стратегия предполагает размышление над окружающей реальностью.

2) *Свобода*. Мысль свободна даже в самых неблагоприятных условиях. Мысль свободна по определению; когда свобода мысли сталкивается с принуждением реальности, возникает творчество; в понимании Сунь-цзы оно приобретает форму хитрости и уловки.

3) *Рычаг*. Стратегия – это род деятельности, способной производить эффект рычага. Не следует путать стратегию как таковую с применением стратегии, которое может потребовать значительной затраты сил для достижения скромного результата. Стратегия как мысленная деятельность приводит к значительным результатам ценой небольших усилий.

4) *Информация*. Стратегия питается информацией. Информацию необходимо уметь добывать и производить, а также ею манипулировать. В конечном итоге в выигрыше оказывается тот, кто хорошо знает себя и своего противника; тот, кто не понимает ни кто он таков, ни против кого сражается, обречен на проигрыш. Поскольку стратегия неразрывно связана с реальностью, одним из главных условий ее успеха становится доскональное знание этой самой реальности. Таким образом, стратегия смыкается с философией познания, о чем мы подробнее поговорим ниже.

5) *Гармония*. С точки зрения Сунь-цзы, необходимо привести к гармонии реальность переживаемых событий (почву), свои устремления (цель), свои возможности (самопознание) и свои действия (стратегию). Чем полнее гармония между этими элементами, тем легче подчинить себе мир. Может показаться странным, что понятие гармонии обсуждается в трактате, озаглавленном «Искусство войны», все-таки войны – это скорее шум и ярость, нежели миролюбие, и ничто на свете не нарушает мировой гармонии вернее, чем война. Это неоспоримо, но, возможно, речь идет о том, чтобы в условиях нарушенной мировой гармонии отыскать эту гармонию в себе и привнести ее в мир. Именно в те минуты, когда нам кажется, что мир свихнулся, а кризис достиг пика, надо уметь сохранять трезвость рассудка.

Называя эти пять принципов стратегии – мысль, свободу, рычаг, информацию, гармонию, – Сунь-цзы считает, что они составляют суть человеческого существования. Но почему-то знакомство с трактатом Сунь-цзы навело меня на мысли о Макиавелли. Дорогой читатель, давайте разберемся: насколько оправдан риск макиавеллизма?

Глава 3

Макиавелли, или Разделение истины и добра

На смертном одре человек заботится о спасении души, а не о кроликах.

Жан Луи Огюст Коммерсон

Добродетель и *virtu*

«Государь» – трактат о политической стратегии, написанный в начале XVI в. Никколо Макиавелли, – известен скорее как трактат о политике, а не о стратегии. Флорентийский автор анализирует примеры из античной и современной ему итальянской истории и с их помощью показывает, как стать, а главное – удержаться во главе государства. Макиавелли жил в беспокойное время, когда повсеместно шли войны за власть, а политические убийства были делом вполне обыденным. Мало кому из дорвавшихся до власти в Италии XVI в. удавалось дожить до старости.

«Государь» знаменит прежде всего тем, что являет собой основополагающий труд по политической философии, не замыкаясь в рамки обычных для того времени советов и рекомендаций. Связь политики с философией восходит к Платону, самый длинный из диалогов которого – «Республика» – смело может быть назван политическим трактатом. Согласно традиции, властитель обязан был в своих действиях руководствоваться добродетелью и моралью, то есть отдавать предпочтение этике перед голой эффективностью.

Власть должна быть нравственно безупречной. Эта концепция политики жива до сих пор – достаточно вспомнить возмущение американского народа, узнавшего, что президент солгал (как будто президент не лгал по полсотни раз на день!), или французского народа, которому стало известно, что кандидат в президенты финансирует свою избирательную кампанию (впрочем, неудачную) из каких-то мутных источников. Можно подумать, что финансовая сторона любой политической деятельности прозрачна как слеза! Как бы то ни было, очевидно, что общее мнение сводится к тому, что политика должна быть добродетельной. Нельзя безнаказанно лгать. Занимаясь махинациями, рискуешь нарваться на большие неприятности. Это само собой разумеется.

Именно с этими наивными представлениями открыто спорит Макиавелли. Одновременно он обращается к своим современникам – политикам и призывает их к двойственности. Макиавелли не верит в добродетельную власть, но не потому, что человек у власти – это всегда какой-то извращенец, чуждый всякой добродетели, а потому, что природа власти такова, что не позволяет человеку оставаться добродетельным. Добиться власти и сохранить ее можно лишь одним путем – путем обмана. Значит, приходится лгать, хитрить, мошенничать, лавировать, манипулировать окружающими и скрывать свои истинные мотивы. К личной этике все это не имеет никакого отношения, поскольку такова природа власти.

Государства и люди постоянно схлестываются между собой, и исход этих хаотических столкновений чаще всего зависит от случая и удачи. Ничто не вечно, расклад сил меняется ежеминутно, но тем не менее от случая зависит не все. Слепой фортуне противостоит сила, именуемая *virtù*. *Virtù* – это ни в коем случае не добродетель, которая способна только покоряться и терпеть. *Virtù* – это жизненная сила и дерзость, бросающая вызов судьбе и добивающаяся своих целей. Государственный деятель либо должен стать *virtuoso*, либо будет сметен при первом же столкновении с трудностями.

Трактат, в отличие от классических сочинений на ту же тему, адресованных королям, не только не давал государю советов нравственного характера, но, напротив, в некоторых случаях прямо рекомендовал действовать вопреки принятым моральным нормам. Поэтому ему быстро наклеили ярлык аморальности, от которого произошел термин «макиавеллизм».

Действовать нужно хитростью и силой. В хаосе столкновения человеческих волей победа – всегда временная – достается тому, кто способен реализовать свой потенциал, руководствуясь умом и честолюбием, но отнюдь не скромностью и добродетелью.

Макиавелли и связанное с ним недоразумение

Макиавелли освободил искусство политики от пут бессмысленной болтовни, которыми его пытались стреножить мораль, философия и религия. Отделавшись от добродетели в пользу *virtù*, политика и искусство власти обрели самостоятельность и сбросили с себя гнет религии, морали и философии, по отношению к которым всегда ощущали свою второстепенность.

Отсюда становится понятным возникновение в современных демократических обществах недоразумения, связанного с политикой и вызывающего постоянный дискомфорт. Большинство политиков признает себя последователями Макиавелли в том, что касается понимания места и роли в обществе политики, которую не следует смешивать с добродетелью. Да, они постоянно лгут, хитрят и лавируют, согласно правилам игры. Просто в демократическом обществе эта игра стала публичной.

Но народ, как правило, ждет от политиков именно добродетели, а не *virtù*. Народ оценивает политиков с точки зрения добродетели и осуждает хитрость, махинации и ложь. Игра в этих обстоятельствах приобретает двусмысленность, поскольку люди судят о вещах в соответствии с правилами, которые не являются реально законными. Примерно то же произошло бы, если бы футбольный матч арбитр стал судить по правилам регби, ежеминутно произвольно меняя их на баскетбольные или гандбольные. Три разные цели смешиваются, и невозможно определить, какая из них важнее: благо города, добродетель властителя или эффективность в завоевании власти.

Что касается Макиавелли, то он демонстрирует поразительную пронизательность, называя политикой искусство завоевания и удержания власти. Только это и больше ничего.

В отличие от большинства традиционных сочинений, направленных на моральное воспитание правителей государства, которым предписывалось распоряжаться властью справедливо и добродетельно, Макиавелли заявляет, что власть не может быть добродетельной, если она неэффективна. Поэтому основной вопрос, на который отвечает «Государь», заключается не в том, «как правильно использовать власть в соответствии с нравственными нормами и христианскими добродетелями», а в том, «как добиться власти и удержать ее». Приписываемый Макиавелли цинизм – не более чем недоразумение. Цинизм – не в идеях Макиавелли, а в природе власти, в ее реальном содержании. Тот, кто претендует на добродетель, никогда не получит власть. Отсюда возникает другой вопрос: зачем волноваться о том, что он сделает с этой властью?

Чаще всего цитируют главы XVII и XVIII труда Макиавелли, якобы служащие доказательством аморальности автора: «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание»⁶. Что это, апология лжи? Нет, всего-навсего констатация того факта, что мир вовсе не движим кантовским моральным императивом.

⁶ Здесь и далее «Государь» цитируется в переводе Г. Муравьевой.

Правитель должен скрывать свои мотивы и идти на обман: «Надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить». Как заметил великий русский поэт Александр Пушкин: «Ах, обмануть меня нетрудно, / Я сам обманываться рад». Народная мудрость нашла выражение той же мысли в поговорке: «Обещанного три года ждут».

Акцентируя внимание на этих положениях, представляющихся очевидными, Макиавелли добился лишь того, что спор от существа проблемы перекинулся на частности. Многих современных политиков обвиняют в «макиавеллизме» за ту легкость, с какой они лгут гражданам или недоговаривают чего-то важного. Франсуа Миттерана даже прозвали Флорентийцем (прозрачный намек на Макиавелли), и французам надолго запомнились предвыборные дебаты в апреле 1988 г., когда на прямой вопрос своего соперника Жака Ширака («Вы можете, глядя мне в глаза, опровергнуть сказанное мной?») Миттеран ответил: «Я гляжу вам в глаза и все опровергаю».

Флорентийца во второй раз переизбрали на пост президента. Не исключено, что для достижения своей цели он использовал хитрость и обман, но это ровным счетом ничего не говорит нам ни о его политике, ни о том, что именно он собирался предпринять, добившись власти. Мы видели немало политиков, проявивших чудеса изобретательности ради того, чтобы прийти к власти, но понятия не имевших, что им с ней делать. На самом деле они и не хотели использовать власть, поскольку у них отсутствовали цели. Если это и макиавеллизм, то какой-то извращенный.

Бесспорно, Макиавелли дает ценные советы тому, кто мечтает не только получить власть, но и сохранить ее, и в этом смысле его смело можно назвать стратегом. Но ведь важно еще и применить власть, то есть как-то ее использовать. Поскольку для того, чтобы применить власть, ее прежде надо удержать, то оба этих действия смешиваются в рамках одной стратегии. Стратегия – это именно искусство сохранения и использования власти. Впрочем, Макиавелли отнюдь не убежден, что единственной целью политика может быть сохранение власти. Ему вовсе не свойственно циничное стремление к наслаждению властью как таковой. Он призывает использовать власть во благо.

Кстати сказать, в описании Макиавелли власть не выглядит таким уж привлекательным занятием. Власть – это ежеминутная борьба, подразумевающая бдительность, труд, напряженность, риск и разочарование.

Макиавелли и наивность Платона

Вот как Макиавелли комментирует действия Людовика XII в Италии:

- Людовик совершил общим счетом пять ошибок:
- изгнал мелких правителей;
 - помог усилению сильного государя внутри Италии;
 - призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом;
 - не переселился в Италию;
 - не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли бы оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. <...>

Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь – испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того,

чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь. <...>

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив – все весьма обычно и закономерно.

О чем говорит нам этот текст, посвященный Людовику XII, в Италии показавшему себя никудышным стратегом, как, впрочем, и его предшественник Карл VIII и его преемник Франциск I? Классика жанра: у Франции не было союзников, потому что она пренебрегла учетом соотношения сил. Как впоследствии Европа, Италия в то время удерживала шаткое равновесие между четырьмя державами, не позволяя ни одной взять верх над остальными. Любой союз в этих обстоятельствах мог рассчитывать на прочность только при условии сохранения равновесия. Французы этого никогда не понимали, за что Макиавелли относил их не к политикам, а к политиканам. Именно об этом он пишет в главе III:

Кардинал [Чезаре Борджа] заметил мне, что итальянцы мало смысляют в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смысляют в политике, иначе они не допустили бы такого усиления Церкви.

Целью действующей власти всегда является мир и процветание. Военная стратегия – лишь способ достижения этой цели. Макиавелли не останавливается подробно на его описании, упомянув о нем в одной-единственной главе, где утверждает, что правитель, пренебрежительно относящийся к военному искусству, потеряет государство. Людовик XII, потерявший свое государство в Италии, совершил не военный, а политический просчет. Он не перебрался жить в Италию. Из этого вытекает, что для успешного управления государством правитель должен присутствовать на месте и внушать подданным доверие.

Таким образом, Макиавелли, как и Платона в «Республике», занимает политическая стратегия. С точки зрения Платона, политика – это особое поле деятельности, на котором должна царить добродетель. Только философ знает, что истинно, а благо и истина суть одно и то же. Следовательно, только философ обладает добродетелью, и по этой причине править должен он.

Макиавелли далек от подобной наивности. Он не считает, что благо и истина идентичны, к тому же стратег должен руководствоваться не истиной, как утверждал Сунь-цзы, а силой. По Макиавелли, мир – это арена борьбы, на которой без конца сталкиваются разные силы. Это суждение справедливо как для государств, так и для отдельных лиц и, разумеется, для тех, кто обладает властью. Никакая власть не может быть установлена навечно, поскольку сама природа власти предполагает конкуренцию и борьбу; обладание властью в любой момент может быть оспорено, а властитель свергнут. Удержание власти означает постоянную борьбу за власть. Если тот, кто владеет властью, не будет ежеминутно заниматься ее удержанием, власть выскользнет у него из рук.

Вот в чем суть позиции Макиавелли: власть как таковая – это одновременно и субъект, и объект власти. Добродетель и общее благо суть внешние объекты, которые могут быть использованы как второстепенные, но ни в коем случае не как главные мотивы властителя.

Таким образом, Макиавелли рисует перед нами образ того, что впоследствии получило название *realpolitik* – умения определять силовые поля и управлять ими. Этот подход прямо противоположен идеологическому, согласно которому реальность должна подчиняться некой идее, воспринимаемой как высшая.

Вначале была сила

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

Больше всего упреков досталось Макиавелли за главу XVIII, в которой он утверждает, что государь не обязан выполнять свои обещания. Глава начинается с заявления о том, насколько важна сила. Из предыдущей главы мы помним, что, согласно Сунь-цзы, стратегия покоится на пяти столпах: мысли, свободе, рычаге, информации и гармонии. Макиавелли видит стратегию иначе, иногда опровергая Сунь-цзы, но иногда и сближаясь с ним.

По Макиавелли, стратегия опирается на следующие четыре принципа:

1) *Фактическая правда*. «Не бывает стоящей политики без учета реальности», – сказал однажды генерал де Голль. Необходимо отталкиваться от реальной действительности, то есть от той правды, которая оказывает влияние на окружающий мир. Эта фактическая правда вынуждает нас считаться с собой – уже в силу того, что она существует. Поэтому ее необходимо знать. Именно по этой причине Макиавелли отказывается ставить во главу угла политики добродетель, за что его больше всего и критикуют. Дело не в том, что он считает добродетель пустым звуком. Дело в том, что фактическая правда не всегда совпадает с добродетелью, следовательно, добродетель не всегда способна оказывать влияние на мир. Поэтому она не может служить главным объектом стратегии.

2) *Сила*. По мнению Макиавелли, действительным влиянием в мире обладает сила. Мир – это поле столкновений различных волей. Идея силы противоречит концепции гармонии, выдвинутой Сунь-цзы. Макиавелли убежден, что никакой гармонии не существует, поскольку разные силы противостоят одна другой. Есть только борьба, сражение, война. Гармонии нет и быть не может. Стремиться к гармонии означает обречь себя на верное поражение. Сила разрушит любую гармонию. Это вторая причина, по которой Макиавелли не верит в добродетель. Добродетель лишена силы. Об этом нам напоминает знаменитая реплика Сталина, который интересовался, сколько дивизий у папы римского. Впрочем, это спорный вопрос. Не исключено, что Макиавелли заблуждался, полагая, что добродетель бессильна. Кстати, Кант утверждал, что, как только добродетель обретает силу, она перестает быть добродетелью. То есть в конечном итоге он соглашался с Макиавелли – вот такой странный поворот.

3) *Популярность*. Некоторые исследователи причисляют Макиавелли к республиканцам. Он заявляет, что государь, опирающийся на народ, скорее удержит власть, чем тот, кто действует с опорой на знать. Следовательно, ему необходимо печься о своей популярности в широких народных массах. Нам это хорошо знакомо: в наших демократических обществах политические деятели в основном занимаются как раз тем, чтобы угождать общественному мнению – с переменным успехом и ценой утраты политической смелости. Но во времена Макиавелли это еще не было таким очевидным. Он признает, что в общем раскладе сил народ тоже обладает реальной силой. Этот взгляд шел вразрез с предрассудками той эпохи; он скорее соответствует современному пониманию власти. Макиавелли отрицает божественное происхождение власти, полагая, что частицей власти владеют все – и государь, и народ, – и каждый стремится увеличить свою долю путем сделки. Чем не средневековый Мишель Крозье?⁷ Еще раз обратимся к пресловутой главе XVIII.

⁷ Крозье Мишель – французский социолог, автор знаменитого труда «Феномен бюрократии», легшего в основу нового направления в социологии – стратегического анализа организаций.

Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия.

4) *Манипуляция*. Если каждый обладает частицей власти, то властвовать означает умело манипулировать властью остальных. Властвовать – значит быть стратегом всегда и везде. Властитель не делает различия между кратким миготом принятия стратегического решения и долгим периодом его реализации. Он должен оставаться стратегом при любых обстоятельствах, при взаимодействии с любым другим человеком. Микростратегии ни к чему искренность. Искренность входит в типовой инструментарий стратега-манипулятора. Макиавелли набрасывает общий контур манипуляции, но не описывает правил ее применения. Обратимся к фрагменту, посвященному обману, – его чаще всего цитируют в связи с Макиавелли:

Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

В этом отрывке Макиавелли говорит о том, что все знают и так и в чем никогда не признается ни один политик. Он выбалтывает семейную тайну, которая, впрочем, является секретом полишинеля. В этой откровенности совсем нет макиавеллизма, зато она выдает желание автора добраться до самой сути и назвать вещи своими именами.

Вот что Генри Киссинджер – верный ученик Макиавелли – в своих «Мемуарах» говорит о цинизме, вспоминая первую встречу Мао и Никсона в феврале 1972 г.:

В области международных отношений он делал ставку на геополитику и оставлял в стороне идеологию. Во время визита Никсона в Китай в феврале 1972 г. одним из первых замечаний Мао было следующее: «Таких людей, как я, сравнивают с крупнокалиберной пушкой. <...> Все потому, что я делаю вслух заявления вроде: «Весь мир должен объединиться для борьбы против империалистов, ревизионистов и прочих реакционеров и повсюду установить социализм». Он захохотал, на миг представив себе, что кто-то способен всерьез воспринять лозунг, десятилетиями красующийся на плакатах и стенах общественных зданий всего Китая.

Пока сотни миллионов китайцев благоговейно повторяли изречения председателя Мао, а тысячи из них гнили в тюрьмах потому, что повторяли их без должного усердия, тот же самый высокочтимый председатель откровенно насмеялся над глупостью этих изречений. Вот наглядный пример цинизма со стороны человека, остро чувствовавшего расклад сил в мире и умело пользовавшегося «полезными идиотами».

На парижской улице мужчина сидит возле водосточной трубы и удит рыбу в сточной канаве. Мимо идет прохожий, которому становится жалко дурака, и он приглашает его в кафе пропустить по стаканчику.

Они садятся за столик, и прохожий, чтобы начать разговор, спрашивает:

– Ну, как клюет? Много наловили?

– Неплохо, – отвечает рыбак. – За сегодня вы уже восьмой.

Внешность обманчива, учил председатель Мао.

Спиноза и Дидро против Макиавелли

Философ Спиноза – не такой уж наивный идеалист, как принято думать, – причисляет Макиавелли к мыслителям, подтверждающим его учение о постоянстве бытия. Бытие, утверждает Спиноза, стремится к постоянству в себе. Так и всякая власть стремится к самосохранению и своей полноте. В своем «Политическом трактате» Спиноза упоминает «Государя», именуя его автора «мудрым мужем» – в устах голландского шлифовальщика оптических стекол эта похвала кое-что да значила. В «Этике» мудрость названа вершиной человеческого совершенства.

Спиноза отмечает, что Макиавелли больше внимания уделяет описанию средств, чем описанию целей:

Что касается средств, какими должен пользоваться князь (Princeps), руководящийся исключительно страстью к господству, чтобы упрочить и сохранить власть, то на них подробно останавливается проницательнейший Макиавелли; с какой, однако, целью он это сделал, представляется не вполне ясным⁸.

Спиноза указывает, что Макиавелли обращается не только к государю, но и к народу, который тот пытается обвести вокруг пальца. Он призывает народ не питать иллюзий насчет своего правителя. Если у вас князь (государь) – не жестокий тиран, считайте, что вам уже повезло. Что до самого государя, то ему Макиавелли советует избегать проявлений жестокости и тирании и проявлять мудрость, но вместе с тем остерегаться быть слабым и добрым, ибо это приведет его к краху.

Подданные должны и могут обладать властью, ограничивающей власть государя и не позволяющей ему скатиться к жестокой тирании. Чем не введение в теорию власти XVIII в.? Если согласиться с тем, что, с одной стороны, всякая власть есть проявление силы, как чуть позже это сформулирует Жан-Жак Руссо, а с другой – что власть стремится к полноте, – то единственным способом избежать тирании, то есть грубого злоупотребления властью, остается разделение властей и их взаимное ограничение. Вот что на самом деле говорил Макиавелли.

В статье «Энциклопедии», озаглавленной «Макиавеллизм», Дидро пишет: «Работая над сочинением о государе, Макиавелли словно пытался сказать согражданам: внимательно читайте эту мою книгу. Если вы признаете над собой власть хозяина, он будет таким, каким я вам его показал: злобным зверем, в милости которого вы окажетесь». Власть неразрывно связана с злоупотреблениями, и Макиавелли прекрасно описывает их механизм. Власть не может и не должна быть добродетельной, она должна быть сильной, но это неизбежно приводит к злоупотреблениям. Следовательно, добиться от власти мудрости и благотельно-

⁸ Перевод С. Роговина, Б. Чредина.

сти можно всего одним способом: противопоставив ей другую силу. Ограничителем власти может быть только другая власть.

Складывается впечатление, что Макиавелли не слишком ясно различал стратегию и власть. Стратегия стремится к завоеванию и удержанию власти, но не задается вопросом, какова цель власти, если не в очевидном служении добру. Итак, для чего нужна власть? Этот мучительный вопрос, над которым бьются демократии, мало волновал Макиавелли. И правда, у флорентийского мыслителя, в отличие от нас, хватало других забот. Но все же он сказал слишком много и, сам о том не подозревая, направил споры о власти в демократическое русло.

От Макиавелли я вынужден перейти к злему гению стратегии – знаменитому Клаузевицу. Надеюсь, дорогой читатель, что вас последующие страницы огорчат меньше, чем автора этих строк.

Глава 4 Клаузевиц, или Ложная современность

Я буду писать до тех пор, пока у меня не кончатся выражения.
Граф Кассар

Клаузевиц и его время

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831) был прусским офицером и участником Наполеоновских войн. На стороне противников Наполеона, разумеется. Как и прочие его соотечественники, он тяжело переживал поражение под Йеной, случившееся 13 октября 1806 г., и пропитался тем, что в Пруссии называли «йенским духом». Немцы пытались понять, как и почему французам удалось так их унижить, и разработали целую программу реформ, чтобы отомстить ненавистному врагу.

Благодаря йенскому духу Пруссия одержала победу над Францией в 1870–1871 гг., что привело к объединению Германии и подписанию соответствующего документа, который был зачитан в Зеркальной галерее Версальского дворца.

Клаузевиц умер рано, в пятьдесят один год, от холеры. Его сочинение «О войне» осталось незавершенным и было напечатано после его смерти. Публикацией занималась вдова, и никто точно не знает, намеревался ли автор предавать свой труд гласности.

Несмотря на то что Клаузевиц был пруссаком, в стратегии он был последователем Наполеона (таким же, как швейцарец Жомини, которому в этой книге следовало бы посвятить отдельную главу), то есть человеком, сумевшим извлечь стратегические уроки из новых методов ведения войны, изобретенных гениальным корсиканцем. Но, прежде чем стать теоретиком, он был практиком. Наполеон – выдающаяся историческая фигура, заслуживающая если не восхищения, то хотя бы пристального интереса. Особенно он почитаем во Франции, что неудивительно: в конце концов, он был последним французом, сумевшим хорошенько наподдать немцам. Но с точки зрения европейской геополитики Наполеон был катастрофой. Он несет ответственность за тринадцать лет войны, бушевавшей в Европе и не принесшей никому ничего хорошего. Франция вышла из войны ослабленной и утратившей часть территории. Европа обнищала и подверглась разрушениям. Результатом войны стало усиление франко-немецкого антагонизма, который, как мы знаем сегодня, унес жизни 70 миллионов человек и на долгий срок – с 1870 по 1945 г. – превратил Европу в юдоль скорби. Если оставить в стороне ура-патриотизм, то каждому станет ясно, что и для Франции, и для Европы в целом Наполеон был настоящей катастрофой. Мечты о построении Европейской империи воплотились в империю горя и слез.

На наш взгляд, в области стратегии Клаузевиц стал тем же, чем Наполеон для Европы, то есть катастрофой. Такой же почитаемой и харизматичной. Первая и Вторая мировые войны – это абсолютные катастрофы для человечества. Катастрофы, ужасней которых не знала история человечества и в сравнении с которыми бедствия Наполеоновских войн или Тридцатилетней войны кажутся пустяками. Но эти катастрофы отвечают стратегическому мышлению Клаузевица. Разумеется, мы не собираемся утверждать, что Клаузевиц является единственной причиной всех этих несчастий – это значило бы существенно преувеличить его роль в истории. Но не исключено, что он сделал кое-что похуже: подвел с виду разумную

теоретическую базу под безумное мировоззрение. Он набросил внешне логичный покров на концепцию стратегии, которую можно с полным основанием назвать глупой. Упаковка получилась красивая, но скрывающееся под ней содержимое – смертельно опасно.

Читатель уже понял, что Клаузевиц не относится к числу моих любимчиков.

Великая война и Клаузевиц

Среди полчищ солдат, что хоронят друг друга, человек одинок.

Жак Брель

В январе 1931 г. состоялись похороны Жоффра, столь же пышные, сколь и нелепые. В 1914–1916 гг. генерал Жоффр, одержавший победу в Марнском сражении, был во Франции всеобщим кумиром. Каждый день он получал от восхищенных поклонников коробки конфет и письма с выражением безмерного обожания. За полную бездарность его сместили с поста главнокомандующего, правда, присвоив звание маршала. Но и после двух лет диктатуры, когда в стране не действовали республиканские институты контроля, его продолжали почитать как выдающегося государственного деятеля. Что же за человек был Жоффр, если заглянуть за весь этот роскошный фасад? В общем-то пустышка.

- Малообразованный. Он ничего не читал, даже пособий по стратегии.
- Не умеющий связать двух слов. Он избегал споров по выбору стратегии, потому что ему нечего было сказать.
- Диктатор. Каждого офицера, посмеявшегося ему возразить, он немедленно увольнял за несоответствие служебному положению. Особенно он любил проделывать это с офицерами, которые говорили дело, а в случае с Жоффром подобное случалось сплошь и рядом.
- Человек, без малейших колебаний отправивший на верную и бесполезную смерть миллион молодых французов. При этом сам он спал по десять часов в сутки, а обедал по два часа, отличаясь завидным аппетитом, достойным Гаргантюа.

Эпоха, воспринявшая систему воззрений Клаузевица, вручила подобному типу ключи от Франции, а свое завершение отметила его абсурдно пышными похоронами. Этот парадокс заслуживает того, чтобы мы подробнее остановились на том, почему стратегическое мышление после Клаузевица пало столь низко.

Первая мировая, которую называли Великой войной, была чудовищной, и сгоревшее в ней поколение на своей шкуре испытало, к чему привела реализация идей Наполеона, зафиксированных Клаузевицем. Есть несколько факторов, указывающих на то, что между Клаузевицем и людьми, принимавшими в ту кошмарную эпоху решения, существовала прямая преемственность.

- Война есть продолжение политики другими средствами. 23 июля 1914 г. Австро-Венгрия направила Сербии неприемлемый ультиматум, тем самым сознательно пойдя на риск развязывания европейской войны. Это политическое решение основывалось на оценке вероятностей – точь-в-точь как при игре в покер. Правители Германии, России и Франции посчитали, что война может быть им выгодна, поскольку дает неплохие шансы выиграть больше, чем проиграть. Причиной войны стало не только то, что в Германии и в России у власти оказались два самых глупых за всю историю этих стран императора. Ее причиной стало также и то, что правящие круги обеих стран относились к войне как к одному из способов проведения политики, такому же допустимому, как и все прочие. В любом случае когда-нибудь придется

воевать, полагали они, так какая разница, случится это чуть раньше или чуть позже...

- Война приняла чудовищную форму в силу успехов технического прогресса. Количество снарядов, использованных на полях сражений, оказалось в сто раз больше, чем предполагалось накануне войны. На Верден в 1916 г. обрушилось 25 миллионов снарядов (каждый четвертый из них не разорвался и до сих пор лежит в земле). Солдат, вооруженный пулеметом, мог убить сотни атакующих. Еще одной новинкой, подаренной развитием смертоносных технологий, стало применение отравляющих газов. Своего пика эти технологии достигнут с изобретением американцами атомной бомбы. Технический прогресс не остановить – особенно если речь идет об уничтожении такого хрупкого создания, как человек. Убить человека проще простого, если есть подходящая техника. Первая мировая война показала, что убить миллионы ненамного труднее. Понятие производительности, на которое молится наша эпоха, благодаря развитию техники вошло и в военный лексикон.

- Генералы Первой мировой пытались добиться преимущества массированными атаками. К несчастью, технические средства давали преимущество как раз тем, кто оборонялся. Ни одна из сторон не могла достичь решающего перевеса. Подготовка к наступлению одной армии служила предупредительным сигналом для другой, которая спешно усиливалась. В итоге происходили кровопролитные и безрезультатные столкновения. Это прекрасно вписывалось в стратегию угробить как можно больше народу, но явно противоречило здравому смыслу и тому, к чему всегда стремился Наполеон (модель войны по Клаузевицу), добивавшийся наибольших успехов ударами не в самое сильное, а в самое слабое место противника.

- Война велась прямолинейными способами. Есть цель: прорвать фронт; есть средство – массированная атака. Каждая враждующая сторона всегда знала, что намерен предпринять противник. Такие приемы, как военная хитрость, обман противника и скрытый маневр, не использовались в принципе, поскольку люди, руководившие военными операциями, верили только в силу. Клаузевиц не был последователем Сунь-цзы, как Наполеон не был последователем Макиавелли. Если бы Наполеон проникся идеями Макиавелли и попытался применить их на практике, он не потерял бы свою империю (существует экземпляр «Государя», который читал Наполеон; на полях книги сохранились его насмешливые комментарии, проникнутые гордыней – одним из семи смертных грехов, погубивших не только французского императора). Точно так же, если бы Жоффр, Нивель, Петен, Фалькенхайн, Гинденбург и Людендорф изучили труд Сунь-цзы столь же внимательно, как Клаузевиц, они с меньшим рвением бросились бы устраивать бессмысленную бойню, за которую несут полную ответственность.

Тот, кто из первого ряда партера наблюдал за самоубийством цивилизации, имеет полное право усомниться в системе мировоззрения, подразумевающей это самоубийство, отнюдь не предопределенное историей, но задуманное и осуществленное самими людьми. Великая война опровергла идею Гегеля о том, что история движется в заданном направлении, приближаясь к миру и демократии.

Ключевые понятия в мировоззрении Клаузевица

Подумать только: больших пальцев на ногах в мире больше, чем людей.

Граф Кассар

Клаузевиц дает свое определение войны, которую сравнивает с дуэлью:

Война есть акт насилия, цель которого – принудить противника исполнить нашу волю.

Это определение очень важно, поскольку показывает, что Клаузевиц, как и Наполеон, верил, что можно на протяжении длительного времени подчинять кого-то своей воле. В отличие от того же Макиавелли, который не был столь наивен и считал войну одним из этапов переговоров. При этом он прекрасно сознавал, что и после, и до сражения противник ни за что не откажется от преследования собственных целей. Война, понимаемая как дуэль, есть кульминация взаимоотношений, от которой зависит дальнейшее развитие событий. В XVI, XVII и XVIII вв. люди полагали, что кульминацией взаимоотношений являются переговоры.

Клаузевиц был убежден, что Наполеон добился военных успехов потому, что сумел изменить правила ведения войны. Он намеревался определить правила современной войны, ведущие к успеху. Из модели Наполеона он позаимствовал несколько положений:

Туман войны. Клаузевиц отмечает, что полководец не может в точности знать, что происходит в каждый конкретный момент времени. Реальная война имеет лишь отдаленное сходство с заранее выстроенной схемой. Поэтому необходимо учитывать влияние случайностей.

Трение. В понятие «трения» Клаузевиц включает все, что мешает проведению военной операции; все, что легко поддается определению, но чего трудно добиться на практике. Поломки и аварии, ошибки, опоздания нарушают гармонию стратегии. Чем больше технических средств используется в войне, тем выше значение «трений». На примере войны особенно ярко проявляется способность материи сопротивляться идеям. Чтобы снизить влияние трения, Клаузевиц предлагает интенсивные тренировки и разработку процедур. Отметим, что понятие трения представляет собой существенный вклад Клаузевица в доктрину современной войны, для которой характерно значительное использование технических средств. Технические средства обычно связаны между собой, и поломка одной детали выводит из строя целый комплекс. Чтобы машина ехала, все ее части должны быть исправны. Стоит сломаться одной из тысячи деталей, и машина остановится. Это и есть трение в понимании Клаузевица. Один-единственный сбой из тысяч возможных способен нарушить ход операции, если в ней используется много техники.

Направление главного удара, или Schwerpunkt. Клаузевиц отмечает, что в начале своей военной карьеры Наполеон одерживал победы, хотя его войско уступало в численности войску противника. Например, в битве при Аустерлице, которая может служить ярким образцом успешной стратегии Наполеона. На самом деле речь идет о том, чтобы сосредоточить превосходящие силы именно в той точке и тогда, где и когда решается судьба сражения. В каждом сражении наступает решающий момент, от которого зависит его исход. Полководец должен уметь вычислить этот момент и

обеспечить себе превосходство в этом стратегически важном месте. Вот почему необходимо единое командование операцией. Под Аустерлицем Наполеону противостояли войска коалиции; впоследствии маршал Фош писал, что после того, как ему самому пришлось командовать – вернее, пытаться командовать – армией коалиции, он стал меньше верить в гений Наполеона. Кроме того, надо, чтобы войска обладали большей по сравнению с противником маневренностью. В ночь перед Аустерлицким сражением Наполеон переместил свое войско, чем ввел в заблуждение противника. Обратным примером могут послужить ошибочные действия маршала Груши, вовремя не выдвинувшего свои войска на помощь Наполеону, в результате чего была проиграна битва при Ватерлоо. Как справедливо отметил Виктор Гюго, исход битвы решил Блюхер, появившийся в нужном месте в нужное время.

Учет вероятностей в стратегическом планировании. Поскольку туман войны способен разрушить любую рациональную стратегию, Клаузевиц, беззаветно веривший в рациональность, пытался рационализировать случайность путем введения понятия вероятности. В этом он также шел за Наполеоном, который говорил, что готов принять участие в сражении, если шансы на победу составляют не меньше 70 %. Подобная попытка подвести рациональное основание под случайность на первый взгляд кажется вполне разумной, однако она далеко не бесспорна, и вот почему. Во-первых, оценка вероятности всегда носит субъективный характер. Во-вторых, вероятность определяется как число благоприятных исходов по отношению к общему числу возможных исходов. Поэтому понятие вероятности в принципе неприменимо в ситуации, которая по определению является уникальной. В данном случае вероятность – это не более чем точка зрения.

В более общем плане Клаузевиц отмечает, что Франция доминировала в Европе потому, что сосредоточила в своих руках больше военных ресурсов, но в конце концов Европа одержала над Францией победу потому, что сумела мобилизовать равные с ней ресурсы. Отсюда он делает катастрофический для стратегического мышления вывод о необходимости перехода к последним крайностям.

Последние крайности

*Лишь флюгер где-то ныл и плакал в вышине...
Альфред де Виньи. Смерть волка⁹*

Клаузевиц высказывается в том смысле, что для подавления воли врага необходимо мобилизовать больше ресурсов, чем имеется у него. Но во время войны противник, не желая сдаваться без сопротивления, также постарается мобилизовать все свои ресурсы. Следовательно, происходит увеличение военных ресурсов, и на каждое дополнительное усилие в этом направлении одной стороны вторая сторона отвечает тем же. Тогда и наступает то, что Клаузевиц называет «переходом к последним крайностям». Все ресурсы страны мобилизованы на войну. Переход к последним крайностям превращает войну в схватку за выживание, в тотальную битву не на жизнь, а на смерть.

⁹ Перевод В. Левика.

Именно на этом и настаивает Клаузевиц, и самое ужасное, что мы воспринимаем его мысли как нечто банальное. Мы привыкли принимать неприемлемое. Между тем на стыке XVIII и XIX вв. в понимании того, что такое война и как ее следует вести, произошли глубокие изменения.

Вплоть до XVIII в. страны тратили на военные нужды лишь небольшую часть своих ресурсов. Армии насчитывали всего несколько тысяч – в худшем случае несколько десятков тысяч – солдат, а вооружения оставались достаточно примитивными. Доля погибших в таких войнах составляла незначительный процент населения. В битве при Азенкуре 25 октября 1415 г. французская армия, потерпевшая сокрушительное поражение, потеряла убитыми за день шесть тысяч человек. В 1916 г. в битве при Вердене потери французской армии составили 320 тысяч человек, а само сражение продолжалось десять месяцев. Разумеется, Азенкур был политическим и стратегическим провалом, но в океане нелепых бедствий он воспринимается как легкая рябь на поверхности воды. Верден не был для Франции стратегическим поражением, но для страны он обернулся невосполнимыми человеческими потерями. Сколько талантов, сколько блестящих, а может, и гениальных умов сгинуло в этой мясорубке – об этом мы можем только гадать. Вспомним хотя бы, что Шарль де Голль был дважды ранен – в Динане и под Верденом – и вполне мог быть убит.

До XVIII в. война никогда не носила тотального характера и не превращалась в смертельную схватку за выживание – скорее она походила на своего рода турнир, исход которого решал тот или иной спор. Во времена, когда большинство населения с трудом добывало средства пропитания, все знали, что война чревата большим голодом – ведь войска надо кормить. Жизнь была слишком сурова, чтобы идти на такие риски и тратить ценные ресурсы на идиотскую игру под названием «Кто кого убьет». Люди стремились избегать последних крайностей. Войны велись, но их ограничителем служил здравый смысл.

Какой контраст с тем, что происходило в 1945 г.! Что заявлял Гитлер в апреле 1945-го? Что немецкий народ проиграл, следовательно, он не самый сильный. Но выживает только сильнейший. Война нужна для того, чтобы узнать, кто достоин выживания, а кто нет. Это война до последней капли крови. Следовательно, немецкий народ должен погибнуть вместе со своим фюрером. И Гитлер дал Альберту Шпееру приказ разрушить все немецкие заводы до того, как они попадут в руки захватчиков. К счастью, Шпеер, рискуя жизнью, не выполнил этот приказ. Объясняя Гитлеру, почему он так поступил, он воспользовался его же логической аргументацией. Война не проиграна, заявил он, и заводы еще пригодятся рейху после того, как немецкая армия перейдет в стремительную победоносную атаку. Гитлер сделал вид, что ему поверил, – если только он не был настолько безумен, чтобы действительно поверить в подобные бредни. Зато он отдал другой, не менее сумасшедший приказ: эвакуировать все население из областей, занятых противником, сосредоточить его в центре Германии и сражаться до последнего солдата. Опять же к счастью, никто и не подумал выполнять этот очевидно невыполнимый приказ.

Концепция последних крайностей зиждется на идее о том, что войну выигрывает тот, кто сумеет мобилизовать больше ресурсов. Поэтому в геополитике преимущество получают самые большие и самые воинственные страны с наиболее централизованным типом управления. Это плохая новость.

«Полюмос – отец всего, царь всему», – учил Гераклит. Полюмос – это божество, олицетворяющее войну. Человеческими взаимоотношениями правят законы военного времени. После падения Наполеона Клаузевиц отмечает, что сдерживать взаимное усиление стало невозможно, и делает вывод о необходимости перехода к последним крайностям. Именно эта идея возобладали во франко-немецких отношениях начиная с поражения Пруссии в 1806 г. и заканчивая падением Франции в 1940-м и Германии в 1945-м. Какой-нибудь комментатор 1945 г. вполне мог бы похвалить Клаузевица за обостренное чутье. Мир действительно

все быстрее катится к последним крайностям. Наверное, прусский стратег предвидел впереди темное будущее, движение к «внешним сумеркам», которое заставляло пошатнуться его рационализм.

Философ Рене Жиар выводит стремление к последним крайностям из своей теории миметического желания. По мнению Рене Жирара, человеческое желание имеет миметическую природу. Человек не способен испытывать самостоятельные желания, он желает того, чего желают другие. Чужой мне человек служит моделью моего желания, сам желая чего-либо, он указывает мне, чего я могу и должен желать. Но в этом случае желающий субъект и его модель вступают в отношения соперничества ради обладания желаемым объектом. Отсюда и берет начало насилие. Первоначально насилие основано на соперничестве за обладание тем или иным объектом. Но к этому исходному насилию добавляется вторичное, или миметическое, насилие: другой человек предстает как агрессор, что увеличивает количество насилия. Взаимное насилие сопровождается ростом насилия, что в конце концов приведет к уничтожению человечества. Это называется апокалипсис.

Вот что предвидел накануне смерти Клаузевиц, так и не закончивший свой труд.

Клаузевиц против гуманизма

К адвокату приходит супружеская пара лет девяноста.

– Мы хотим развестись, – говорят супруги.

– Но почему?

– Как это почему? Потому что мы терпеть друг друга не можем!

– Вот как? И давно это у вас?

– Давно? Еще бы не давно! Уже лет семьдесят как!

– Вы хотите сказать, что не выносите друг друга уже семьдесят лет?

– Вот именно! Семьдесят лет!

– Но почему же вы раньше не развелись?

– Как это почему? Мы ждали, пока дети умрут.

Все события XX в. подтверждают, что переход к последним крайностям стал реальностью. Две мировых войны представляют собой идеальный архетип этого явления: тотальная война, мобилизация всех ресурсов каждой страны, десятки миллионов жертв, участие многих десятков стран. Настоящая сверхпроизводительность, которая наверняка понравилась бы Клаузевицу. Он был бы вынужден признать, что по сравнению с XX в. Наполеоновская эпоха с ее заглавным героем – амбициозным корсиканцем – и окружающей его легендой – просто салонная игра. Он всего лишь пошел на Москву и погубил свою армию. Не то что другой упрямый идиот, который убил 28 миллионов русских, а армию потерял под Сталинградом. Согласитесь, совсем другой размах.

После этих событий мы можем апостериори взглянуть на Клаузевица с двух точек зрения: позитивной и негативной.

• *Позитивный взгляд.* Клаузевиц первым понял природу войны и то, каким образом техника как часть культуры вмещивается в эту природу. Это понимание позволило ему предвидеть будущее.

• *Негативный взгляд.* Введя в обиход понятие «последних крайностей», Клаузевиц способствовал созданию чудовищной модели международных отношений, которая стала восприниматься как нечто обыденное. Он легитимировал, настаивая на его естественности, такое видение войны, в котором нет ничего естественного, – это не более чем одна из возможных точек зрения, притом чреватая самыми бесчеловечными последствиями. Клаузевиц сбил с толку многие умы, разделив международные отношения и гуманизм, и совершил это

именно в то время, когда гуманизм становился доминирующей философией. Он утверждал, что вещи, которые всегда считались отвратительными, нормальны. И поэтому он несет свою долю ответственности за последовавшие исторические трагедии.

Читатель уже понял, что автор этой книги придерживается второго взгляда. Чтобы отбросить позитив, отметим, что Клаузевиц оставался теоретиком и не делал никаких предсказаний. Он занимался стратегией, а не историей. Он не играл роль Кассандры и не раздавал мрачных прогнозов, чтобы помочь человечеству избежать кошмара.

В 1914 г. в Европе утвердилось мнение, согласно которому нормальной считалась политика, состоявшая в том, чтобы посылать молодежь на бойню – желательнее до последнего человека. Нам следует разобраться именно в этой «нормальности». Люди, принимавшие во время Великой войны политические и военные решения, действовали так, словно война и методы ее ведения были чем-то вполне обыденным и допустимым. Они не понимали, что наносят человечеству смертельную рану.

По завершении Первой мировой войны заговорили о самоубийстве Европы. Речь шла об экономическом и демографическом самоубийстве, что понятно, но не только. Раздавались голоса, что Европа совершила моральное самоубийство. Она согласилась принять видение стратегии по Клаузевицу, которое шло вразрез с тем, что начиная с XVIII в. здесь понемногу создавалось, – с обществом, основанным на расцвете и осуществлении представлений о гуманизме. Великая война не только не загасила тлеющие искры ненависти, она разожгла их в пожар Второй мировой войны. Эта война принесла бесчеловечным практикам два новых открытия: поставленный на промышленную основу узаконенный геноцид, с одной стороны, и беспощадные бомбардировки мирного населения, – с другой.

Но не только беспрецедентное число жертв заставляет нас думать, что подобный взгляд на мир ошибочен. Нас также сильно смущает способ, каким тогда принимались решения. Нам очевидно, что у власти оказались настоящие дикари.

И эти дикари – прямые потомки Клаузевица.

Продолжение политики

Но что же такого ужасного и варварского написал Клаузевиц – образованный прусский офицер, отличавшийся недюжинным умом и получивший прекрасное воспитание? Этот человек, знакомый со всеми достижениями культуры своего времени, просто пытался постичь суть событий, свидетелем которых он был. Клаузевиц жил в удивительную эпоху, открывавшую блестящие перспективы на будущее, и ему хотелось понять, в чем их логика и смысл. На это он и направил талант, которым наделила его природа. В чем же тут варварство?

Процитируем самое знаменитое из высказываний Клаузевица. Вот оно:

Война есть продолжение политики другими средствами.

Если верить Клаузевицу, государства действительно проводят такую политику – не больше, но и не меньше. Правда, он не видел – хотя это бросалось в глаза, – что концепция «последних крайностей» противоречит политике как таковой.

Политика – это искусство жить сообща, это спор о коллективном выборе пути. Это справедливо как для отдельных индивидуумов, так и для целых народов. Политика нужна для того, чтобы избавиться от войны всех против всех. В области международных отношений политика позволяет выйти из состояния перманентной войны. Следовательно, война – не составная часть политики, но свидетельство ее провала. Остается надеяться, что момент этого провала будет кратким.

Разумеется, Клаузевиц все это знал. Если он утверждает обратное, то лишь потому, что анализирует войну, глядя на нее со стороны холодным взглядом теоретика. Стратегический

анализ войны приравнен к анализу политики. Такова его позиция. Если война – это провальная политика, то Клаузевиц говорит нам, что этот провал неизбежен, а значит, мы должны его изучать и исследовать при помощи аналитического инструментария. Война как явление противоположное политике в то же самое время есть одна из форм политики. Так же как обратное решение есть одно из решений, решение прекратить заниматься политикой – это одно из политических решений.

Но у политики как комплекса решений нет своей противоположности. Прежде чем принимать решение, мы подчиняемся уже принятому решению; прежде чем заняться политикой, мы уже вовлечены в политику. Видимо, Клаузевиц, сводя войну к банальному проявлению политики, имел в виду именно это.

Последующая история наглядно, с леденящими кровь примерами, показала, что метод «последних крайностей» – это никакая не политика, а чистое варварство. Между тем предметом политики как раз и должно быть стремление избежать варварства.

Цитату о том, что война – это продолжение политики другими средствами, повторяли столько раз, что она превратилась в тошнотворную банальность. При этом те, кто охотно цитирует эту формулу Клаузевица, забывают о нескольких важных вещах.

- Эта формула была новой. В XVIII в. войну вовсе не считали частью политики. Преобладало убеждение, что на время войны политика замирает.
- Эта формула была революционной. Она изменила взгляд на войну, превратив ее в обычный вид профессиональной деятельности. Раз существуют профессиональные армии, их надо для чего-то использовать.
- Эта формула в совокупности с концепцией последних крайностей, будучи примененной на практике, ведет к распространению варварства. Диктаторы, полагающие, что ради достижения политических целей можно убить миллионы людей и в этом не будет ничего особенного, являются последователями Клаузевица.

Таким образом, Клаузевиц способствовал распространению варварства, хотя сам стремился к обратному. На протяжении двух мировых войн политики и военачальники верили, что занимаются политикой, тогда как на самом деле старательно погружали мир в состояние дикости. В этом смысле можно сказать, что Клаузевиц допустил трагическую ошибку.

От сегодняшних историков часто приходится слышать, что Первая мировая война остается для них загадкой. Как могли разумные люди, недоумевают они, без малейших колебаний отправлять на смерть своих детей? Тот факт, что современным людям это непонятно, уже говорит о том, что мы довольно далеко отошли от мировоззрения, свойственного Клаузевицу.

Значит ли это, что его труд следует сжечь? Ни в коем случае. Его надо изучать, сознавая всю его ограниченность.

Теперь, когда мы, дорогой читатель, преодолели препятствие под названием «Клаузевиц», – надеюсь, не разбив его в щепы, – я с нескрываемой радостью перехожу к своему любимчику – Бэзилу Лидделу Гарту. Признаюсь сразу: я обожаю Лиддела Гарта. И мне не терпится разделить это обожание с вами.

Глава 5

Бэзил Лиддел Гарт, или Стратегический гуманизм

Почему выгодно быть умным? Потому что всегда можешь притвориться дураком. А вот обратное невозможно.
Вуди Аллен

Слово предоставляется немецким генералам

Бэзил Лиддел Гарт (1895–1970) во время Первой мировой войны был английским офицером. Он принимал участие в битве на Сомме в 1916 г. После войны он вышел в отставку и посвятил себя изучению стратегии.

Лиддел Гарт пытался понять свое время и свою эпоху. В 1945 г. он, например, добился разрешения допросить пленных немецких генералов. Эти необычные «интервью» легли в основу увлекательной книги «Немецкие генералы рассказывают» (The German Generals Talk). Посмотреть, что происходит «на другой стороне холма», – действие, достойное стратега.

Впрочем, отметим, что книга вызвала немало споров. Кое-кто даже обвинил Лиддела Гарта в ревизионизме. Но автор исследовал именно стратегию, а не чудовищные цели нацизма. Лиддела Гарта не интересовали политические воззрения этих генералов, некоторые из которых, о чем с удовлетворением пишет в своем дневнике Геббельс, и правда были фанатичными нацистами, а некоторые, о чем Геббельс упоминает в том же дневнике, но уже с большим неудовольствием, вовсе нет; его интересовали их взгляды на стратегию. Изучение стратегии требует холодной объективности и вынуждает на время оставить в стороне нравственные оценки.

Книгу Лиддела Гарта критиковали также за то, что, дав побежденным немецким генералам высказаться, он якобы предоставил им трибуну для самооправданий. Автор действительно записал все, чем с ним делились его собеседники, но при этом воздержался от каких-либо комментариев и просто зафиксировал их свидетельства. Прямо об этом нигде не говорится, но между строк можно прочесть, что Лиддел Гарт видел в немецких генералах непревзойденных военных профессионалов того времени. Гитлеру удалось – во имя «триумфа воли», если вспомнить знаменитый фильм, воспевавший нацизм, – привлечь к себе лучших из лучших.

Все это так, но историю, как известно, пишут победители, что необходимо держать в уме. Немцы проиграли войну – но перед этим они на протяжении многих лет неизменно побеждали. Прежде чем понять, почему они ее проиграли, – что далеко не самое трудное, – желательно разобраться, что вело их от победы к победе.

Концепция Лиддела Гарта окончательно оформилась в годы Второй мировой войны, но корнями она уходит в Великую войну и идеи Клаузевица. Прошлое продолжает цепляться за настоящее.

Офицер против Клаузевица

Лиддел Гарт участвовал во многих великих сражениях Первой мировой войны, в том числе в июле 1916 г. в страшной битве на Сомме, обескровившей английскую армию. Фрон-

товики смотрели на эту войну несколько иначе, чем штабные офицеры. Эволюция взглядов, которая произошла с Лидделом Гартом, чем-то напоминает то, что случилось с Шарлем де Голлем. Молодой выпускник Сен-Сира, Шарль де Голль прибыл на фронт во всеоружии наступательных теорий, которыми его напичкали учителя. Но в первой же стычке с врагом в августе 1914 г., когда он получил свое первое ранение, он понял, что действительность имеет мало общего с теорией. Наставники учили его чему-то не тому, а высшее командование явно совершало ошибку за ошибкой. И он начал размышлять над вопросами стратегии, никого не слушая и ни с кем не обсуждая свои выводы.

Лиддел Гарт проделал примерно тот же путь, за исключением того, что не занимался политикой. Обоим деятелям предстояло познакомиться в 1930-х гг., и это знакомство ни для одного из них не прошло бесследно, хотя в своей книге Лиддел Гарт устами одного из немецких генералов утверждает, что воззрения де Голля не оказали на них никакого влияния. Вот как он рассказывает о допросе генерала фон Тома:

Я спросил его, правда ли, что немецкая доктрина танковой войны родилась под влиянием знаменитого труда генерала де Голля, как о том часто говорят, на что он ответил: «Нет. Мы не принимали его в расчет, находя слишком экстравагантным. Он не давал тактических советов и по большей части витал в облаках. Кроме того, он сильно отставал от британцев».

Лиддела Гарта упрекали в отсутствии скромности, поскольку в книге он заявляет, что идея массированного использования танковых войск первым осенила именно его. Что ж, скромность не входила в число свойств, присущих Лидделу Гарту, – впрочем, люди, увлеченные стратегическими исследованиями, редко бывают отмечены скромностью. С другой стороны, Евагрий Понтийский причисляет гордыню к семи смертным грехам, что с точки зрения личной стратегии внушает некоторые опасения...

Как бы то ни было, между поколением генералов, разрабатывавших планы ведения этой войны и осуществлявших руководство войсками (все они родились в 1850-е: Жоффри – в 1852-м, Фош – в 1851-м, Петен и Нивель – в 1856-м), и поколением более молодых офицеров (де Голль родился в 1890-м, а Лиддел Гарт – в 1895-м), смотревших на нее из окопной грязи, ходивших в атаку на пулеметы и своими глазами видевших массовую гибель солдат, произошел разрыв. Во Франции его символом стали Петен и де Голль. Здесь важно подчеркнуть, что их расхождения носили не только ситуативный характер и объяснялись не только различием в темпераменте и стиле управления. Это был поколенческий разлом.

В философии того времени господствовал культ силы, противоречивший гегелевскому видению истории. Лиддел Гарт бросился в самую гущу этой схватки и пошел в атаку на Клаузевица, пытаясь понять, как автору многословной и довольно мутной книжки удалось еще в первом раунде положить Гегеля на обе лопатки.

Непрямые действия

События, разговоры и размышления, о которых мы рассказали выше, подвели Лиддела Гарта к формулированию принципа, который он в своей книге «Стратегия» (The strategy of indirect approach) назвал принципом непрямых действий. Судя по всему, в его понимании стратегия как таковая сводится к непрямым действиям, то есть является своего рода искусством обходного маневра. Согласно этой теории, желательно всегда, когда возможно, избегать прямого столкновения с противником, стараться обходить его наиболее укрепленные позиции, а наступление вести, целясь в штабы и линии снабжения.

Существует два способа добиваться своих целей:

- *Прямые действия.* Они подразумевают концентрацию всех сил на одной цели, движение к ней наиболее коротким и легким путем и нанесение лобового, как можно более мощного удара.

- *Непрямые действия.* Они означают распыление сил, продвижение по самому трудному (или как минимум не по самому легкому) пути и нанесение смягченного удара в неожиданном месте. Сюда же относится дезорганизация противника у него в тылу и на путях коммуникации.

Военное искусство предполагает столкновение двух армий, двух волей, двух стратегий. Поэтому вражеская стратегия по определению должна быть противоположна вашей стратегии. Чем легче противнику определить и расшифровать вашу стратегию, тем проще ему ее сломать.

У стратегии прямых действий есть одно преимущество и один недостаток. Преимущество заключается в том, что позволяет сконцентрировать силы для одного удара по цели. В этом смысле прямая стратегия наиболее эффективна. Недостаток состоит в том, что прямая стратегия слишком логична, поэтому противнику легче всего ее разгадать и воспрепятствовать ее осуществлению. В этом смысле прямая стратегия наименее эффективна. Основываясь на истории войны, которую он изучил в подробностях, Лиддел Гарт пришел к выводу, что недостатки прямой стратегии превышают ее достоинства, поэтому предпочтительной является стратегия непрямых действий.

У стратегии непрямых действий есть хорошо просчитываемый и очевидный недостаток: невозможность собрать все силы в один кулак. Движение по самой трудной дороге по определению не может быть легким, а выигрыш остается проблематичным и почти не поддается точному измерению.

Великая война стала почти уникальным образцом войны, в ходе которой практически не использовались обходные маневры. Никогда еще военное искусство, полагал Лиддел Гарт, не падало так низко. Вся эта война состояла из череды массированных лобовых атак, ни одной из которых не удавалось добиться поставленной цели и пробить фронт. Напротив, во Второй мировой войне проявилось множество стратегических талантов – возможно, потому, что генералы, руководившие войсками, участвовали как простые офицеры в Великой войне и читали Лиддела Гарта. Обходные маневры применялись скорее как правило, чем как исключение: немецкое наступление в Бельгии с целью открытия дороги на Арденны, высадка в Северной Африке с целью нападения на Францию и т. д.

Анализируя историю войн, Лиддел Гарт показывает, что непрямые действия оказываются более успешными, чем прямые. Вместе с тем он подчеркивает, что превосходство в силе часто вынуждает ту или иную сторону делать ставку именно на прямое использование этой силы. Во время Итальянской кампании 1796 г. Наполеон не имел численного преимущества перед противником, следовательно, мог рассчитывать только на стратегию непрямых действий. Именно это он и сделал – добавим, весьма искусно, – добившись успеха и положив начало легенде о своем военном гении. Двадцатисемилетний коротышка-генерал, сын скромного нотариуса из Аяччо, выскочил как чертик из табакерки, возглавил плохо одетое и кое-как вооруженное войско и поставил на колени Австрийскую империю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.